

000

**ЯКОВ
СТЕЦЮК**

**ТЕНИ
НА УЛИЦЕ**

ЯКОВ
СТЕЦЬЮК

ТЕНИ НА УЛИЦЕ

СОКРАЩЕННЫЙ ПЕРЕВОД
С УКРАИНСКОГО
А.И. ДОЦЕНКО

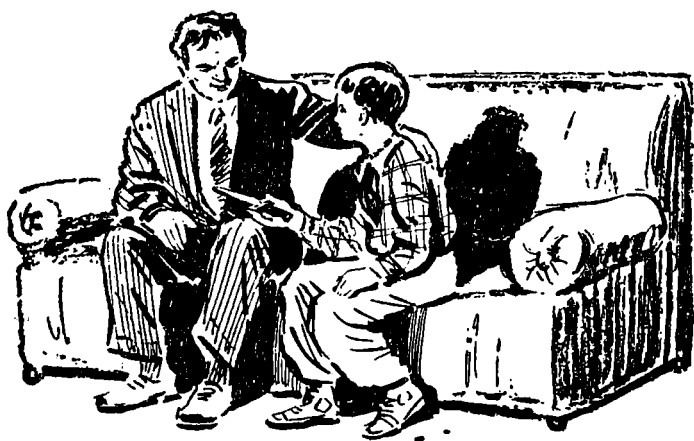
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА • 1961

Уважаемый читатель!

Государственное издательство юридической литературы просит присылать Ваши отзывы, замечания и пожелания по этой брошюре, а также по другим брошюрам, издаваемым в сериях «Из зала суда» и «Записки следователя».

Наш адрес: Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40, Госюриздат, редакция массовой литературы.

КТО ОН?

Притихшей улицей медленно двигалась похоронная процессия. Впереди с откинутым задним бортом бесшумно плыла грузовая автомашина, над кузовом которой возвышался открытый гроб. Продолговатое лицо покойника и сложенные на груди худые руки, казалось, были вылеплены из воска. Худенький мальчик лет пяти стоял в глубине кузова и круглыми испуганными глазами смотрел на идущих за машиной людей. Понимал ли он, что случилось? Какая боль сжимала его узенькую, плотно охваченную самодельным свитером грудь?

Следом за машиной шла невысокая женщина. Из-под черного платка выбивались редкие, поседевшие раньше времени волосы. Глаза ее словно заволкло туманом, веки покраснели. Она шла, как слепая, ничего не видя, едва переставляя ноги. Слез уже не было, на лице ее не вздрагивал ни один мускул.

Ее поддерживали под руки опрятная хмурая женщина и плотный мужчина с круглым лицом, на котором выделялись неестественно полные губы и красный мяси-

стый нос. Мужчина ступал торжественно. Печальный и вежливый, он ни на шаг не отходил от вдовы. Это был Крамов, директор базы, где еще два дня назад работал Петр Иванович Кучинский.

Два дня... До этого Микола никогда не встречал Кучинского. Только вчера утром, когда тело выносили из морга, он внимательно посмотрел на бледное, бескровное лицо, будто собираясь прочесть на нем ответ на вопрос: кто?

Что скрывалось за этой тайной? Кучинского нашли поздно вечером на улице, истекающего кровью. Первым его обнаружил дворник. Вызвали на место происшествия сотрудников уголовного розыска, экспертов. Собака-ищейка быстро взяла след, но через двести метров он оборвался: преступник, видимо, сел в автомашину. Врач тщательно исследовал и описал характер раны. Оружием, очевидно, послужил финский нож. В протоколе были отмечены и сила удара, и положение, из которого убийца нанес его в спину.

Было удивительно то, что из вещей убитого ничего не взято. В коричневом бумажнике лежали нетронутыми документы и деньги — пятьдесят три рубля. В карманчике жилета находились старинные серебряные часы. От верхней петли жилета к часам свисала блестящая цепочка, которую убийца не мог не заметить. Почему же он не взял часы? Не успел? Что же помешало ему? Или, может быть, у него были совсем другие цели? Кому он перешел дорогу, этот скромный бухгалтер промтоварной базы?

Все это было пока неизвестно. И в разгадке мотивов убийства за эти два дня дело не двинулось вперед ни на шаг. Могла бы, очевидно, чем-то помочь следствию жена Петра Ивановича, но она, узнав о случившемся, в первую же минуту лишилась сознания, а потом долго не могла оправиться от столь неожиданного удара. Ее ответы были непонятны, слишком скупы. Казалось, женщина не понимает, чего от нее хотят...

Шла похоронная процессия. Люди молчали или разговаривали шепотом, и до Миколы доносились лишь обрывки фраз.

— Такой был... Никого не обидит... — говорил кто-то глухим басом. — Скромный... Все делал молча... По работе никто не мог пожаловаться...

— Душевный человек, — послышалось в ответ.

Микола знал, что о покойниках принято говорить только хорошее. Да и кто бы посмел сейчас бросить какою-либо тень на жертву? Но, прислушиваясь к разговорам, Микола начинал убеждаться, что это не просто обычные в таких обстоятельствах слова, что Петр Иванович действительно был человеком, которого нельзя не помянуть добрым словом. Микола и сам уже мог бы кое-что рассказать о покойном, о его привычках, характере. Он попытался даже представить себе его на работе, за большим столом, сосредоточенного, подчеркнута корректного, всегда аккуратного...

Улицу заполнили траурные звуки оркестра. Микола заметил, как в кузове вздрогнул мальчик и сделал шаг, точно хотел броситься вниз, к матери. Но вот он снова застыл, забывая вытирать слезы. Микола неожиданно почувствовал, что и его глаза помимо воли наполняются слезами.

Он стыдился их, да и пристало ли плакать ему, сотруднику уголовного розыска? Какое может иметь значение, что никто здесь не знает о его работе? Стыдно перед самим собой. Он должен иметь железные нервы, уметь сдерживать свои чувства. На молодость нечего кивать, хотя он только-только начинает работать в уголовном розыске. Ведь сам он выбрал себе эту трудную, но увлекательную профессию...

На тротуарах останавливались прохожие и наблюдали за процессией. Некоторые присоединялись к ней — видимо, из тех, кто знал Кучинского. Тихо разговаривали.

— И куда милиция смотрит? — бросил кто-то с укоризной.

— А-а, кто тут в этой милиции! Разве не знаете? Тот, кто на завод не пойдет. Там специальность нужно иметь. Вот он и в милицию... Мундир натянет, свисток в зубы... Какая для этого мудрость нужна? И что вы с такого возьмете?..

Микола еле удержался, чтобы не повернуться и не сказать им в глаза несколько резких слов. Нет, не знают такие милицию! Разве только тогда, когда их постигнет горе, они начинают взывать о помощи и первым делом обращаются именно к милиции. Потеряется на улице ребенок, вытащат деньги, «надует» спекулянт, пристанет

хулиган — сразу вспоминают о милиции, просят о помощи. Посмотрите, с какой чуткостью, с какой энергией сотрудники милиции берутся вам помочь. Как будто не вас, а их обокрали, не вас, а их оскорбили...

Медленно движется похоронная процессия. Звучит мелодия траурного марша.

У ворот кладбища кортеж останавливается. Осторожно снимают гроб и несут к свежевырытой могиле. Плавно опускают его в глубокую яму, и слышно, как комья земли, падая, глухо стучат о крышку гроба.

Микола наблюдает, как старательно сбрасывает в яму сырую и рыхлую землю плечистый Крамов, как он потом брезгливо вытирает шелковым платком руки и с облегчением вздыхает, будто только что закончил тяжелую работу. Затем прищуренными глазами он внимательно всматривается в толпу и неожиданно хмурится.

Что же он увидел? Микола пытается проследить за его взглядом, но Крамов уже опустил глаза. Стоит торжественно-суровый, скрестив на животе пухлые руки.

Вдруг, как пойманная в силос птица, забилась подерживаемая чьими-то бережными руками вдова Кучинская. Казалось, она только сейчас пришла в себя. Душе-раздирающий, пронзительный крик раздался у подножия столетних деревьев, отзываясь эхом в глубоких гранитных склепах. Этот крик тяжелым укором лег на сердце Миколы.

Женщину окружили. Проводили к машине. Кто-то нес на руках следом за ней испуганного мальчика, который, наверное, до сих пор не понял того, что случилось.

Микола возвращался с кладбища в угнетенном настроении.

Кто же убийца? Быть может, он сейчас беззаботно разгуливает по улицам города? А может, это вон тот юноша, который так заразительно смеется? Нет, преступник так не смеется. У него не может быть такого открытого, доверчивого взгляда; такой спокойной, уверенной походки. Он вылезает из норы, когда ночь покрывает землю, и презренной тенью шныряет по темным закоулкам.

Кто он? Где его искать? А найти нужно и как можно скорее. Иначе... Нет, иначе не может быть.

СЛЕДЫ ОСТАЮТСЯ

Миколу вызвали к начальнику уголовного розыска майору Савченко. Небольшой кабинет майора был переполнен. Здесь находились оперативные работники отдела и белокурая секретарша Зина, которая, что-то старательно записывала.

Войдя в кабинет, Микола несколько растерялся, он надеялся застать майора одного. Остановившись у двери, нерешительно спросил:

— Разрешите?

— Садитесь, Полещук,— торопливо сказал майор и снова обратился ко всем:— Ну как, товарищи, ясно? Если ясно — за работу!

У Савченко был приятный, густой баритон. Говорил он легко, с молодежатою запальчивостью, иногда чуть излишне жестикулируя. Подвижный, непоседливый, он напоминал бойкого юношу. И при первой встрече с ним вызывали удивление его преждевременно поредевшие волосы, тронутые серебром виски, множество морщинок около всегда прищуренных глаз. Микола знал его уже месяц, но так и не смог определить, какие же у него глаза: голубые, серые или зеленоватые? Казалось, что их оттенок меняется каждую минуту.

Оперативные работники один за другим вышли из кабинета. С кресла, стоявшего у окна, поднялся человек, одетый в хорошо отутюженный бостоновый костюм. Подойдя к столу начальника уголовного розыска, он опустился на стул. Внимательно и даже строго оглядел высокую, плотную фигуру Миколы. Но непонятно было, что выражали при этом его темные, прикрытые густыми ресницами глаза. Это был майор Костенко. Он принадлежал к той категории людей, о которых даже после нескольких встреч не легко высказать определенное мнение. «Какой-то он...» — думал Микола и не знал, какое же подыскать слово. Если бы Миколе пришлось заполнить на него графы словесного портрета, он сделал бы это очень быстро: среднего роста, неполный, хотя и не худой; с сильными, немного поднятыми плечами; черно-волосый, с заметной проседью, причесывается набок; глаза темно-карие; лицо круглое; темные, густые брови; упрямый, немного вытянутый вперед подбородок; ровный, слегка курносый нос; небольшой рот, строгая склад-

ка губ... Нет, все это почти ничего не говорит о Костенко. Даже так называемые «особые приметы» (говорит отрывисто, глухим голосом) кажутся мелочными, когда хочешь охарактеризовать подобного человека.

Микола часто присматривался к нему, так как знал, что он уже много лет работает в уголовном розыске.

Костенко было поручено руководство оперативной группой, которая разыскивала убийцу бухгалтера промтоварной базы. Микола не входил в эту группу, но за операцию переживал не меньше, чем любой из членов группы.

Ожидая разговора с майором Савченко и пытаясь угадать, с какой целью его вызвали, Микола думал: «Почему это Костенко не сводит с меня глаз? Может, я сделал что-нибудь не так, как нужно?..».

Савченко лукаво подмигнул ему и, прищурившись, спросил:

— Ну как, младший лейтенант, освоились?

— Так точно, товарищ майор!

— Наверное, пора и за настоящую работу. А?

— Пожалуй, пора.

— Так вот. Подключайтесь в группу майора,— он кивнул на Костенко и добавил: — Тут есть над чем поработать.

Микола постарался скрыть волнение. Ему так и хотелось выкрикнуть: «Спасибо, Петр Федорович!» Но сказал другое:

— Слушаю, товарищ майор.

Савченко начал расспрашивать его о похоронах. Когда Микола закончил рассказ, майор не сразу нарушил молчание. Опустив глаза, он с минуту постукивал пальцами по настольному стеклу. Потом, обращаясь к Костенко, сказал:

— Нужно будет узнать, помогли ли вдове... Поинтересуйся этим, Иван Дмитриевич.

— Там Крамов уже беспокоится. Выделил кое-что за счет «прочих расходов»...— сделав небольшую паузу, Костенко добавил: — Хлопочет, словно Кучинский был ему наилучшим другом, хотя на эту дружбу и намек не было...

Микола посмотрел на него, как бы желая спросить, что он хотел этим сказать. Потом припомнил, как он сам на кладбище с каким-то неосознанным подозрением

наблюдал за Крамовым. Не было никаких оснований подозревать его, а доверять интуиции следует не всегда, и поэтому Никола ничего не сказал об этом начальнику.

Савченко озабоченно проговорил:

— Следов не осталось... Ухватиться хотя бы за то-
ленькую ниточку... Но следы должны быть... Найдём!
Кулик не возвратился?

Никола знал Кулика — участкового уполномоченного второго отделения, на участке которого и случилось происшествие. Его тоже включили в оперативную группу Костенко.

Ничего не сказав, Костенко посмотрел на ручные часы и снял телефонную трубку. Выяснилось, что Кулик уже вернулся и ждет Костенко в его кабинете. Вместе с ним пришел мальчик, который требует «самого старшего начальника».

— Ну-ну! — весело проговорил Савченко, выслушав пояснения Костенко. — Зови их сюда. Иногда такие помощники интересные вещи рассказывают. А вы пройдите туда... Из той комнаты послушаете.

Через несколько минут Никола в приоткрытую дверь увидел, как в кабинет Савченко следом за Куликом вошел двенадцатилетний парнишка с взъерошенным чубом и, внимательно осмотревшись, смущенно остановился у порога. Видимо, скромная обстановка кабинета несколько разочаровала его. И лишь после того, как Кулик, вытянувшись, начал докладывать, четко выговаривая каждое слово, паренек посмотрел на Савченко с уважением.

Когда Кулик вышел, мальчик подошел к столу и спросил:

— Вы самый старший... над ворами?

Савченко улыбнулся, вышел из-за стола и пояснил:

— Старший над теми, которые ловят воров.

— Я и говорю, — не растерялся мальчик. — А меня не хотели пускать к вам... Я ведь неспроста пришел.

— Коли пришел, то садись. Вот сюда, на диван... Может, познакомимся? Как тебя зовут?

— Меня — Василько. А вас?

— Петр Федорович, — серьезно ответил Савченко. — Ну, зачем же ты к нам пришел?

В тоне Савченко не чувствовалось любознательности. Даже потом, когда Василько рассказал об очень важных фактах, Савченко не торопился задавать вопросы,

и продолжал беседовать с ним как бы полушутя. Микола сначала удивился: зачем майор теряет столько времени? Но потом понял, что иначе и нельзя было бы ничего узнать от мальчика. Кроме того, надо было иметь в виду, что Василько обязательно похвастается этим разговором с ровесниками. Поэтому майору приходилось следить за каждым своим словом, не забывать об осторожности.

— Я видел тех...— рассказывал Василько,—тех, которые убили бухгалтера...— он сделал паузу, удивляясь, почему начальник слушает его так спокойно и недоверчиво.

Глаза Савченко лукаво блеснули. Васильку казалось, что начальник думает: «Ври, ври, а мы послушаем». Почему он не верит? Ведь Василько точно видел тех. Правда, тогда он не думал, что двое мужчин, которые, подозрительно оглядываясь, бежали темным переулком, убили бухгалтера. Он задержался тогда у Сашко—смотрел новые диафильмы—и спешил домой. Если бы он знал, что встретился с бандитами, то разве побежал бы домой? Сейчас же позвал бы людей, не побоялся бы...

— А они, наверное, страшные были: в черных плащах, при оружии,—проговорил Савченко.

— И совсем не в черных,—возразил Василько.— Один высокий, в сером макинтоше и в зеленой шляпе... Еще вот тут сбоку цветочек. Я сперва подумал, что это отец Сашко, у него тоже есть зеленая шляпа.

— Может, это он и был? А?

— Нет. Этот с усиками. И выше. И у отца Сашко такого портфеля нет...

Потом Василько вспомнил о втором: низенький, шупленький, одно плечо у него было выше другого. Очень часто оглядывался и что-то говорил высокому. А высокий молчал.

Савченко перебил его все тем же чуть насмешливым голосом:

— Как же это ты: видел бандитов, а не заметил у них ни ножей, ни пистолетов?

Василько ничего не ответил, молча вынул из-за пазухи финский нож и положил его перед майором. В глазах его сияла гордость: ну, а сейчас, мол, что скажете?

Савченко продолжал начатую игру.

— Не сам ли отобрал у них?

Василько обиженно заерзал на диване.

— Вы все смеетесь, а я серьезно...

— Серьезно? Тогда скажи, где взял нож.

— У Генки отобрал. А он нашел его вчера утром. Говорил, что на нем еще кровь была. Только он вытер ее и начал с ним играть. Маленький, разве он понимает? А я сразу догадался: удирая, они выбросили нож в кусты. Точно... А Генка нашел. У него там в кустах целая крепость...

— Так,— перебил Савченко.— Говоришь, что портфель у них был?

— Точно.

— Может, тебе показалось? Знаешь, бывает... Разве запомнишь все?

— Вот честное пионерское, помню. Еще тот, высокий, нес его не так, как все—в руке, а прижимал к груди...

Наблюдая за мальчиком и майором, глубоко заинтересованный их беседой, Микола почти забыл, что рядом с ним стоит Костенко. Он взглянул на него лишь тогда, когда Савченко начал спрашивать Василька о совсем других делах: как тот проводит каникулы, что читает, какие смотрел фильмы. Так, обычно, учитель спрашивает ученика. Майор даже пообещал прийти к нему в гости—в волейбол поиграть.

Костенко стоял около самых дверей, был задумчив и время от времени что-то быстро записывал в блокнот. Микола не мог определить, как он оценил только что полученную информацию. Не остался же он равнодушным! Ведь паренек навел на следы преступников. Этот нож, потом приметы: высокий, с усиками, в сером макинтоше, зеленая шляпа... У второго одно плечо выше... Дети всегда наблюдательны.

Зеленая шляпа, сбоку цветочек... Шляпа, макинтош, усики... Почему-то Миколе показалось, что он уже где-то встречал именно того, о котором только что говорил Василько. Где и когда это было? Кажется, недавно. Не в тот ли вечер? Что же было в тот вечер? Он встретился с Ниной. Потом...

Что? Его зовет Савченко. Василько уже ушел.

Костенко внимательно разглядывал нож. На рукоятке хорошо заметны следы пальцев, но нетрудно догадаться, что это пальцы детских рук. Наконец, взгляд Костенко поймал темно-бурое пятнышко засохшей крови и надолго задержался на нем. Нож, конечно, пошлют на экспертизу...

Савченко нарушил молчание:

— М-да, портфель... Иван Дмитриевич, может быть, дворник с Кондукторской просто не заметил портфеля? А?

— Нет. Уверяет, что у них не было ничего. А приметы сходятся. Можно не сомневаться, что они видели одних и тех же...

— Так... Очевидно, это тот самый старый кожаный портфель, с которым Кучинский не разлучался свыше десяти лет... Вдова, кажется, ничего не говорила о нем. Правда, она была в таком состоянии... Чем же портфель привлек преступников? Если бы мы знали, что в нем было, дело сразу бы прояснилось. М-да, интересно...

Савченко подошел к большой карте города.

— Василько встретил их вот тут, с портфелем. А на Кондукторской... Так. Есть два варианта. Первый: по дороге они отдали портфель кому-то третьему. Второй: забрали с собой все, что им было нужно, а портфель выбросили. Ну, что же, попробуем разыскать портфель. Вам, младший лейтенант, это и будет заданием,— он внимательно посмотрел на Миколу.— Какая же там приманка была? Придется снова идти к вдове. Нет, сегодня беспокоить ее не стоит. Лучше завтра. И пойду, пожалуй, сам.

КОЖАНЫЙ ПОРТФЕЛЬ

Младший лейтенант милиции Микола Полещук ничем не выделялся среди многочисленных¹ прохожих. В легком темно-синем плаще, в каких вечерами и в непогоду ходит чуть ли не половина мужского населения города, в фетровой шляпе, в коричневых полуботинках, он походил и на служащего, и на студента, и на рабочего. Правда, не каждый мог похвастаться такой крепкой, широкоплечей фигурой, в которой угадывалась незаурядная физическая сила.

Но никто не догадался бы, как напряженно работала его мысль. Вот он приближается к месту, где был убит Кучинский. Микола замедлил шаг, но не остановился.

Вот здесь его ударили. Удар был неожиданный, смертельный. Кучинский упал, они выхватили у него портфель и побежали. У кого же из них был нож? А впрочем, это не так важно. Но почему они выбросили его? Как раз где-то здесь, за этим домом. Может, кто-то шел навстречу. Они, видимо, не решились прятать его в карман. С одежды пятна крови не легко смыть. Не лучше ли сразу освободиться от лишнего свидетеля? И нож полетел в кусты жасмина...

Вот здесь их встретил Василько. Конечно, они не обратили на парнишку никакого внимания. А там след исчез. Очевидно, они сели в машину. Остановили такси или другую случайную машину. И первая собака-ищейка, и вторая, контрольная, привели вот сюда. Но перед тем, как они уехали на машине, их видел дворник дома № 6. У преступников портфеля уже не было. От места, где их встретил Василько, до этого дома метров сто. На этом отрезке и нужно искать портфель, если только они не передали его кому-то третьему.

Сто метров... На их протяжении с той стороны улицы, по которой бежали преступники, всего два дома. Двухэтажные, с острыми шпилями и маленькими балкончиками, они, наверное, строились по одному проекту. Около каждого небольшой садик, огороженный металлической сеткой. За ней кусты смородины и крыжовника, грядки лука, помидоров. Если портфель бросили в один из этих садиков, то его давно бы уже подобрал хозяева. Но дальше виден пустырь — заросшие бурьяном развалины строения. Кое-где краснеет битый кирпич, виднеются покрытые зеленым мхом камни, темнеют полусгнившие доски. Если пустырь расчистить, будет неплохое место еще для одного особнячка.

Микола остановился, но, заметив, что из соседнего двора за ним следит усатый мужчина, поторопился подойти к нему и, чтобы развеять его любознательность, спросил:

— Не знаете, давно пустует это место? Или, может, кто занял?

— Да кто там! — махнул рукой усач. — Теперь строятся так: выбирают площадку сразу на десятки домов. А тут что? Большого дома не поставишь — места не хватит. А чтобы такую хатку — охотников не видно. А вы, собственно...

— Место выбираю, — сказал Микола. — Правда, я рассчитываю на одноэтажный. Да вот место это как следует расчищать придется... Нужно посмотреть.

— А это можно, — проговорил усач и двинулся к калитке.

Такое усердие уже не входило в планы Полещука, и он, не ожидая слишком любезного собеседника, первым пошел к развалинам. Не успел он подняться на бугорок из битого кирпича, как сразу увидел то, что искал: на сломанных стеблях лебеды лежал старый кожаный портфель, поблескивая металлической пластинкой замка. У Миколы забилося сердце. Он не мог оторвать взгляда от находки. Что там, в портфеле? Может, в следующую минуту ему посчастливится получить ключ к разгадке трагедии? Ему захотелось тут же броситься к портфелю. Он еле удерживал себя от искушения...

Микола круто повернулся и стремительно пошел обратно. А почему бы не объяснить этому человеку, ради чего он пришел сюда, и спокойно взять портфель? Но удержится ли он, чтобы не рассказать об этом, например, жене? Ну, а той почему бы не поделиться новостью с соседкой? Так и полетит по улице, может докатиться и до тех... Нет, пусть думают, что их оставили в покое.

— Закурим, хозяин? — предложил Микола и, вынув из кармана пачку «Верховины», протянул усачу.

Тот не отказался. Выбрав почище место, они присели и разговорились о домостроительстве. Собственно, больше говорил усач, который назвал себя Степаном Васильевичем.

Когда они прощались, Микола поблагодарил Степана Васильевича за советы, обещал не забывать его и даже заглянуть при случае в гости.

Проводив его до дома и, убедившись, что он зашел в комнату, Микола возвратился к развалинам. Осторожно поднял портфель. Он был легкий, видимо, пустой. Да, портфель был раскрыт. Микола аккуратно завернул

его в газету, стараясь не уничтожить следы пальцев, которые, возможно, остались и на металлической пластинке замка, и на гладкой поверхности кожи.

Микола нес старый, пустой портфель с такой осторожностью, как будто это была очень ценная хрустальная ваза.

* *
*

Микола застал Костенко в его кабинете и молча положил перед ним портфель.

Майор осмотрел портфель, заглянул внутрь. Вынул оттуда сложенную маленьким конвертиком бумажку. Микола, не сдерживая любопытства, наклонился, следя за тем, как майор разворачивал бумажку. Что в ней?

Внутри бумажки оказался маленький моточек вискозных ниток. Что это? Имеют ли нитки какое-либо отношение к делу? Обычные вискозные нитки...

Костенко снял очки и обратился к Миколе:

— Садитесь. И детально обо всем рассказывайте. Микола подробно рассказал о своей прогулке.

— Хорошо,— словно рассуждая вслух, начал Костенко.— Вискозные нитки... Гм... Шелк, сорочки... База Крамова... Ну ладно, передадим их в ОБХСС. Кто знает, может, эта нитка поможет нам и весь клубок распутать. Портфель пошлем на экспертизу.— Он вынул из ящика стола лупу и начал рассматривать металлические части замка.— Следы пальцев... Да, кстати, вам звонила девушка. Она вас ждет,— сухо сообщил Костенко.

— Где? Какая девушка? — не сразу понял Микола.

— А это вам лучше знать. Звонила в семь тридцать пять.— добавил он, продолжая внимательно разглядывать портфель.

Микола смутился, что-то пробормотал и выскользнул из кабинета.

НИНА

Микола не смог бы объяснить себе, что его так привлекало в Нине, почему он быстро приязнался к ней. Познакомились они совсем недавно, в тот день, когда после окончания спецшколы он прибыл на работу в этот город. Знакомство их состоялось не совсем обычно.

После приема у начальника управления милиции полковника Ткачука Микола зашел в отдел уголовного розыска к Савченко, но того ждали только после обеда, и, чтобы не скучать в приемной, он решил пройтись по городу.

Торопиться было некуда, и Микола медленно шел по улице, останавливаясь около рекламных щитов. На обратном пути к управлению его обогнала невысокая, с длинными русыми косами девушка в клетчатом шелковом плаще.

Микола невольно залюбовался ее косами. Она поравнялась с закуской, из которой глухо доносились голоса подгулявших посетителей. Неожиданно с грохотом распахнулись двери, и двое парней, покачиваясь, вышли на улицу. Девушка хотела их обойти, но они загородили тротуар, а один из них поймал ее за руку. Девушка попыталась вырвать руку, но ей это не удалось.

Микола быстро подошел к ним и, схватив обоих парней за руки выше локтя, резко притянул к себе, да так, что они стукнулись лбами. Опомнившись, парни вырвались у него из рук и свернули в ближайший переулок.

Удивленная этой неожиданной помощью, девушка даже забыла поблагодарить Миколу. Она смотрела на него с восхищением. А он только теперь заметил, насколько она привлекательна. У нее было круглое, с легким румянцем лицо, тонкие шнурочки бровей, голубые глаза, маленькие с насмешливой складкой губы.

Наконец, девушка произнесла первое слово:

— Ого! — и, бесцеремонно окинув взглядом крепкую фигуру Миколы, удовлетворенно добавила: — Как вы их... здорово!

Он пошел вместе с девушкой. Рядом с ним она выглядела совсем подростком. Узнав, что Микола в городе недавно, она спросила, нравится ли ему здесь. Ей, видимо, хотелось узнать, кто он, где и кем работает, но прямо спросить об этом не решалась. Они дошли до универмага. Девушка остановилась.

— Вот здесь я работаю, в парфюмерной секции. До свидания! И еще раз спасибо вам, — смерив его взглядом, она усмехнулась и скрылась за дверью.

В тот день у Миколы оказалось много свободного времени. «Познакомьтесь с городом, — сказал ему Сав-

ченко.— Загляните в парки, музей». Но он не пошел ни в парк, ни в музей. Часа три он прогуливался по одной и той же улице — от управления милиции до универмага и обратно, перечитал все объявления на досках рекламного бюро, заходил и в универмаг, во все секции, за исключением парфюмерной.

Они снова встретились. «Совершенно случайно», — пытался внушить ей Микола. Девушка увидела его издалека и приветливо улыбнулась, будто старому знакомому. Микола боялся, что она спокойно пройдет мимо, и он ничего не успеет сказать. Нужно было что-то придумать...

— Добрый день, — смущенно поздоровался Микола.

— Здравствуйте... Не знаю, как звать.

— Микола. А вас?

— Нина.

Потом они долго ходили по незнакомым ему улицам. О чем только не говорили! Расставаясь, они не условились о новой встрече. Микола так и не решился попросить ее об этом. Позже Нина призналась: «А я знала, что ты все равно придешь меня встречать, без всякой договоренности».

Так началось это знакомство.

...Микола был уверен, что Нина сегодня не простит ему опоздания. Хорошо, если не ушла. А может, тут же рассердится и уйдет? Попробуй тогда успокоить ее!

Нина сидела на скамейке под каштаном. Увидев его, она не проявила ни удивления, ни гнева, только отвела взгляд. Она не смотрела на Миколу даже тогда, когда он робко присел рядом с ней.

— Добрый вечер, — виноватым голосом произнес он.

— А, это вы, — с холодным безразличием проговорила Нина. — Остаются верным традиции. Милиция всегда опаздывает. Не так ли?

На этот раз Микола не стал защищать милицию, а нерешительно начал оправдываться сам. Не виноват он, работа задержала.

Нина поверила ему. Они пошли по широкому, ярко освещенному электрическими огнями проспекту, на котором, казалось, собралась половина города. Прогуливались парами, группами, громко разговаривали, пели, смеялись.

Нина взяла его за руку. Микола увидел, как она весело кивнула головой девушкам, которые шли навстречу и с интересом рассматривали их.

— Это наши, из универмага,— сказала Нина.— Кстати, у меня с ними разные взгляды на милицию. Они даже завидуют мне и просят, чтобы я познакомила их с тобой.

Потом она почему-то вспомнила о Кучинском, которого знала. Их универмаг получал товар на базе Крамова.

— Говорят, жена Кучинского больна и давно не работает. На одну его зарплату жили... Как она будет теперь? И ребенок еще маленький...

Миколу не хотелось говорить с Ниной на эту тему. Вспомнились похороны, женщина, убитая горем, и растерянный взгляд мальчика. В памяти всплыл финский нож с капелькой засохшей крови, портфель, найденный на пустыре. На душе стало тяжело.

Он ничего не ответил Нине. Она, видимо, поняла его и умолкла. Вспомнила, что ей сегодня надо быть дома пораньше.

Прощаясь, Микола задержал ее руку в своей.

— Извини, Нина... Знаешь, мне вот это дело и не дает покоя. Я был на похоронах. Сама понимаешь...

Нина глубоко вздохнула. Сказала мягко:

— Ну, до свидания, Коля... А завтра придешь?

— Приду.

ВДОВА КУЧИНСКАЯ

Савченко срочно вызвали в горком партии. Собираясь уходить, он говорил Костенко:

— Сегодня уже не удастся заглянуть к Кучинской. А нужно! Ох как нужно!.. Кого же послать? Ты занят — у тебя Крамов. Послать Панченко?.. Нет, этот не подходит. А как Полещук? Немного горяч, впечатлителен, но... Пусть он и сходит.

К Кучинской Микола решил идти пешком, чтобы дорогой еще раз хорошо продумать предстоящий разговор. Выбрал самый короткий путь. От управления свернул на Днепровскую, потом пересек скверик, засаженный молодыми тополями и кустами жасмина, вышел

в переулок и... невольно остановился. Это был тот переулок, в котором убили Кучинского. Переулок узкий, тихий. Не случайно убийцы выбрали именно его для совершения преступления.

Но почему здесь тогда очутился Кучинский? Куда он шел? К кому? Тревожно забилося сердце. Неожиданное предположение взволновало Миколу. Да, это вполне вероятно: бухгалтер шел к ним, в управление милиции. В портфеле были важные документы. Кому-то было не выгодно, чтобы они попали в милицию, и человека убили.

Конечно, все это лишь догадки. Но нужно ли сразу отбрасывать их? Кстати, жена Кучинского могла знать, что было в портфеле и куда направлялся ее муж.

Кучинские жили на втором этаже старого трехэтажного дома. Микола нажал кнопку звонка. Дверь открыла опрятно одетая женщина. Она недружелюбно смерила взглядом незнакомого посетителя. Микола вспомнил, что видел ее на похоронах.

— Вам кого? — с неприязнью спросила она.

— Я к Ирине Петровне, — мягко ответил Микола. — Вот мои документы.

Женщина недоверчиво взяла удостоверение, внимательно прочитала его. Вдохнула.

— Ну, заходите. Меня уже спрашивали. Да и Ирину Петровну тоже.

Микола вошел в полутемную комнату. Окна были завешены занавесками и гардинами. На аккуратно застеленной кровати, на круглом столе, на тумбочке около зеркала лежали вышитые салфетки.

Хозяйка сидела в кресле, обтянутом полотняным чехлом, и, не проявляя ни интереса, ни удивления, молча смотрела на гостя. В сумраке комнаты выделялось ее бледное лицо.

Соседка вышла. «За детьми посмотрю, — пояснила она Ирине Петровне. — Ваш Петрик пока с моим поиграет».

Микола по приглашению хозяйки сел на старенький стул и рассказал, кто он и с какой целью пришел. Она молча слушала, изредка кивая головой.

— Вы нам поможете? — нерешительно спросил он. — Конечно, вам тяжело рассказывать... Разрешите тогда задать несколько вопросов. Вы не возражаете?.. При-

помните, пожалуйста, что муж рассказывал вам о своей работе, о людях, с которыми ежедневно сталкивался...

— Да он такой, что не особенно и рассказывал,— перебила женщина.— А я и не допытывалась. Мне ни к чему... Бывало, придет с работы, и у нас уже свои хлопоты. Что ему о работе вспоминать? Придет, отдохнет, потом с сыном поиграет или мне поможет... Знаете, с большим сердцем мне было нелегко...

Говорила она медленно, задумчиво, вспоминая дорогие для нее подробности о своем муже. Микола слушал внимательно. Сначала он ничего не записывал, чтобы не прерывать ее. Потом изредка кое-что стал заносить в блокнот.

— Недели за две до смерти ходил задумчивый... Не знаю, что его мучило. Разве узнаешь? Все в себе носил... Вечером над какой-то бумажкой сидел, до поздней ночи щелкал на счетах. «Что же,— говорю,— мало тебе времени на работе? В квартире бухгалтерию завел?». Вздохнул, спрятал бумаги вон туда, в тумбочку. Лег в постель. Чувствую, не спит, ворочается с боку на бок. А в среду... В тот вечер сам не свой был. Опять считал что-то. Потом собрал все в портфель. Я еще спросила, куда так поздно идти надумал. Он ответил, что туда никогда не поздно, а в такое время, мол, даже лучше, меньше любопытных глаз за тобой смотрит. Меня очень испугали его слова. Он, вероятно, понял это и, усмехнувшись, сказал: «Тебе нечего волноваться, пусть те волнуются да трепещут!». Потом оделся, взял портфель и ушел...

«Какие же бумаги были в портфеле? — думал Микола.— В квартире не осталось никаких документов, ничего, что могло бы пролить хотя бы бледный свет на историю загадочного убийства».

Ирина Петровна рассказала, что и соседи, и товарищи мужа по работе не оставили ее одинокой в горе. С работы сам директор Борис Самойлович Крамов несколько раз приходил...

— Конечно, они же долго вместе работали,— поддержал Микола.

— Первый раз Крамов что-то нервничал. Говорил, что Петр Иванович взял домой какую-то ведомость, а тут как раз пришел срок выдавать зарплату...

Микола записал: «Проверить, когда на базе выдавали зарплату».

— Мне, знаете, больно стало за мужа. Такого никогда не было. Я из этой тумбочки все выложила. Смотрите, говорю. Не нашел. Спросил только: «Может, в милицию какие-нибудь бумажки забрали?» Нет, говорю, ничего не брали...

«Странно,— подумал Микола.— Почему же он не заявил нам, что пропала ведомость? Что же выходит?.. А не искал ли он документы, которые и нас интересуют?»

— Тогда он сказал,— продолжала Ирина Петровна: — «Вероятно, Петр Иванович передал эту ведомость кому-то другому. Поищем еще у себя...».

«Да, здесь что-то есть. Без Крамова не обошлось,— размышлял Микола.— Нужно срочно доложить Савченко».

— Ирина Петровна, мы найдем преступников и...

— А что мне от этого? Мужа не вернешь,— прошептала женщина.

Микола не знал, что ответить. Понимал, что нет таких слов, которые смогли бы успокоить раненую душу, высушить вдовы слезы.

* *
*

С Костенко он столкнулся в дверях его кабинета. Майор заметил, что Микола сильно возбужден, видимо, хочет сообщить какую-то новость, и, вернувшись к столу, сказал:

— Докладывайте.

— Товарищ майор, я все больше убеждаюсь, что это дело не обошлось без участия Крамова! — сразу начал Микола.

— Снова интуиция?

— Не совсем. Логический вывод из некоторых обстоятельств. Во-первых, Кучинский работал у Крамова бухгалтером. Он мог заметить, что Крамов занимается махинациями. Во-вторых, разве можно жить в такой роскоши, как живет Крамов, на одну зарплату? У него машина, рояль, ореховая мебель, ковры...

— Имейте еще в виду,— в тон ему сказал Костенко,— что на сберегательных книжках у него чистеньких двести тысяч. Вклады последних пяти лет.

— Ого! А откуда...— вырвалось у Микола.— Товарищ майор, мне кажется, что убийство бухгалтера Кучинского совершено с участием Крамова.

— Но убил его не Крамов,— сурово проговорил Костенко.— Расскажите о вдове, только подробно.

Микола рассказал о посещении Кучинской с исключительной обстоятельностью, стараясь не упустить ни малейшей детали. И не только потому, что этого требовал майор, ему и самому интересно было все припомнить, чтобы проверить, правильные ли выводы сделал он тогда и может ли анализировать самостоятельно.

Костенко слушал его не перебивая и лишь в конце, словно между прочим, спросил:

— Вы не дали ей почувствовать, что заинтересовались Крамовым?

— Нет,— ответил Микола.— Даже сказал, что его действия понятны, что так, мол, он и должен был поступить... Мне кажется, что следует проверить, выдавали ли у них тогда зарплату.

— Выдавали. И о ведомости Крамов расспрашивал в бухгалтерии, интересовался, кому ее передал Кучинский. Оказалась она у главного бухгалтера.

НА ГОРИЗОНТЕ — АНДРИК

— К майору Савченко!— крикнул в раскрытую дверь сержант Кравчук и пошел по коридору дальше, валядывая в другие кабинеты.

Значит, вызывают всех. Микола и лейтенант Панченко, уложив в сейфы папки с бумагами, вышли из кабинета.

Хлопали двери. Сотрудники, одетые и в форму, и в гражданские костюмы, спешили в конец коридора — в кабинет начальника уголовного розыска.

У стола Савченко уже сидел Костенко и внимательно рассматривал какие-то бумаги, фотографии, дактилоскопические карты. Савченко стоял у окна, постукивая пальцами по подоконнику. Как показалось Миколу, он был возбужден и чем-то взволнован. Что же случилось?

Наконец, Савченко подошел к столу, окинул взглядом собравшихся и, убедившись, что пришли все, начал совещание.

— Так вот, товарищи. Есть основания предполагать, что к убийству бухгалтера Кучинского причастны бандиты, во главе которых стоит известный нам Плавко по кличке «Андрик»...

— Неужели снова убежал? — обеспокоенно спросил Панченко.

— Да, месяц тому назад Плавко бежал из места заключения, — продолжал Савченко. — На него объявлен всесоюзный розыск. Кстати, тут есть новички, которые еще не в курсе дела. Коротко проинформирую. Четыре года тому назад мы поймали этого бандита во время вооруженного нападения на кассира. Суд приговорил его к длительному сроку лишения свободы. Теперь Плавко снова появился в наших краях. Убийство бухгалтера Кучинского — это его первое, так сказать, заявление о себе после побега. Какие основания утверждать, что убийство Кучинского — дело рук Плавко? Прежде всего — дактилокарта, полученная из научно-технического отдела. Портфель Кучинского побывал в руках Андрика, и он оставил на замке отпечатки своих пальцев. Кроме того, свидетелям, которые видели убийц в тот вечер, мы предъявили несколько десятков различных фотографий. Все они показали на фотографию Плавко. Личность его напарника пока еще остается невыясненной. Вот каковы обстоятельства дела. У майора Костенко вы можете узнать о некоторых повадках этого бандита. Скажу коротко: преступник чрезвычайно опасен, опытен. А сейчас, товарищи, познакомьтесь с документами. Здесь фото, словесный портрет, автограф Плавко. Все это каждому из вас может пригодиться...

Микола взял в руки фотокарточку и вздрогнул. Довольно красивое лицо с широким, немного раздвоенным подбородком, упрямый взгляд маленьких глаз, крепко сжатые тонкие губы. Не хватает лишь усов, тех маленьких, точно нарисованных...

— Я... — Микола поднялся. — Я встречал его. В тот же вечер.

Присутствующие, как по команде, повернулись к Миколу.

— При каких обстоятельствах? — спросил Савченко.

Микола смутился при мысли, что ему придется рассказывать и о Нине.

— Мы вышли из кинотеатра,— начал он, думая с помощью неопределенного «мы» уклониться от деталей.— Было четверть двенадцатого. Минут десять мы ждали трамвая на конечной остановке. Пассажиров собралось много. Я, может, и не обратил бы на него внимания, но он очень спешил и, когда выходил, грубо оттолкнул девушку. Она что-то сказала ему. Он оглянулся, взглядом зло смерил ее с ног до головы — я хорошо запомнил этот взгляд — и, ничего не ответив, быстро ушел.

— А вы не ошибаетесь? Это был он? — спросил Савченко.— Вам могло показаться...

— Нет, товарищ майор. Вот как сейчас вижу и макинтош, и зеленую шляпу, и усы. На фото их нет... Но это был он, ручаюсь...

— Не заметили, куда именно он пошел? — живо спросил Савченко.

— Я видел, как он прошел по ходу трамвая метров тридцать и потом повернул направо...

— Это Деревянный переулок,— вступил в разговор Костенко.— Там не более двадцати домов, а дальше поле.

— Гм... Интересно...— Савченко задумался.— Возможно, что в одном из этих домов и... Как думаешь, Иван Дмитриевич?

— Возможно.

— Ну, вот что, Полещук. Продолжайте посещать тот район и кинотеатр. Иногда можно и с дамой. А что делать — сами знаете. Поинтересуйтесь жителями Деревянного переулка, загляните в домовые книги, постарайтесь найти себе надежного помощника. Ну, а что дальше — будет зависеть от обстановки. Нет возражений, товарищи? Значит, принято. А теперь — другие предложения.

Заговорил Костенко. Он словно размышлял вслух. Голос его звучал глухо, несколько монотонно.

— Возможно, что Плавко сейчас в городе. Вероятно, с фальшивым паспортом. Конечно, в гостинице он не рискнул остановиться. Тогда где же? У друзей, знакомых? Если так, значит кто-то остался здесь из его старой компании еще не раскрытым. Словом, он всеми путями будет восстанавливать связи. С кем? Стоит поду-

мать. Не так давно возвратился из заключения Луговой...

Савченко посмотрел на Костенко. Видимо, эта новость удивила его.

— Мне могут возразить: Луговой достаточно натерпелся и с Андриком не захочет знаться. Может быть. Но когда он встретится с Андриком, то не посмеет и пикнуть. Андрик имеет большой авторитет среди преступников. Ему боятся возражать. Он этого не любит. Как говорят, для него всадить нож в спину вчерашнего друга — раз плюнуть.

Панченко шепнул на ухо Миколке:

— Костенко знает Андрика, как свои пять пальцев...

— Почему я уделяю Луговому столько внимания? Поясню. Кто-то натравил на Кучинского преступников. Кто именно? Наибольшее подозрение падает на Крамова. Очевидно, на базе не все в порядке. Кучинский заметил это и не стал спокойно смотреть на злоупотребления. Крамова это не устраивало.

— Это еще нужно доказать,— отозвался Панченко.

— Докажем! Поможет ОБХСС. Кое-что уже и так ясно. Кроме того, настораживает поведение Крамова. Вот младший лейтенант,— Костенко указал взглядом на Миколу,— может рассказать, как Крамов рылся в бумагах, оставшихся у вдовы Кучинского, якобы искал ведомость на зарплату. Ясно, что такой аккуратный бухгалтер, как Кучинский, никогда не понесет ее домой. Это, конечно, знал и Крамов. Не искал ли он документы, которые могли скомпрометировать его? Не кажется ли удивительным и то, что в день убийства Крамов снял со сберегательной книжки 25 тысяч рублей? Куда же он расходовал деньги? Он ничего не покупал и никуда их не переводил. Не попали ли они в карман к Андрику, как плата за услуги? Я уверен, что от Крамова к Андрику протянута ниточка. Кто кого нашел? Кто их свел? Вот тут и вспоминается Луговой. Его жена работает в магазине, который получает товары с базы Крамова. Через нее Крамов мог познакомиться с Луговым, наметнуть ему... Преступники договариваются быстро. Правда, пока это лишь мои предположения. Но мы должны проследить за ними. Андрик может встретиться и с Крамовым, и с Луговым. Второе: мы должны найти соучастника Андрика. Возможно, что это человек, который

живет здесь и в городе хорошо ориентируется, поскольку Андрик город знает плохо. Еще мне не дает покоя моточек вискозных ниток. Не случайно Кучинский нес их к нам, а я убежден, что шел он именно сюда. Откуда эти нитки? Очевидно, с трикотажной фабрики. Не заглянуть ли нам и туда? Ведь с этой фабрики продукция идет и на базу Крамова...—Костенко умолк и задумался.

— Ну, что ж, будем кончать,—сказал Савченко.— Имейте в виду: соседние районы, да и не только соседние, уже извешены. Поэтому Плавко будут искать повсюду. Но больше всех, конечно, придется поработать нам. За квартирой Крамова нужно следить. И вообще поглубже изучить его прошлое. Интересно, кстати, такая деталь. В анкете по учету кадров Крамов пишет, что до приезда в наш город он жил и работал в Ташкенте. Однако оттуда сообщили, что в городе он не был прописан. Мы еще раз послали запрос, указав на некоторые приметы и место его работы в Ташкенте. Посмотрим, что нам ответят. Словом, Крамов — за Панченко. В гостиницу заглянет Мовчан. Полешук уже имеет свой объект. Трикотажная фабрика?..

— Я займусь этим,—сказал Костенко.

— Ну, вот и хорошо. Да, еще Луговой...—Савченко нахмурился.—С Луговым я поговорю сам. Так, пока все. Совещание окончено.

Поднялся, собираясь уходить, и Костенко. Савченко попросил его остаться.

— Я, Иван Дмитриевич, хочу поговорить с тобой о Луговом. Не могу согласиться с твоим мнением. Помнишь его последние слова? А ведь он не любил много говорить. Сказал — отрубил. Луговому я тогда поверил. Потом жена его письма приносила. Да разве можно было не поверить в эту искренность?

— Может быть, Луговой имел в виду, что его письма будут читать в милиции,—возразил Костенко.— А может, и жену уговорил. Это же интересно — заставить расчувствоваться начальника уголовного розыска.

— Напрасно ты так. Это же ничего ему не дало. Свой срок он отсидел. Вот только... Я надеялся, что зайдет он ко мне.

— Такие к нам заходят только под конвоем. Воровскую душу я хорошо изучил...

— Знаю, Иван Дмитриевич. Но нам важно вырвать из грязи человека, на правильную дорогу вывести. Воспитывать ведь никогда не поздно. Я был уверен, что нам удалось поставить его на ноги. Неужели ошибся?.. Впрочем, выводы делать рано.

ВЕЧЕР У ЛУГОВОГО

Проводив Костенко, Савченко долго ходил по кабинету. Сухой паркет неприятно скрипел под ногами, и это мешало думать. Он представил себе хмурое, неприветливое лицо Степана Лугового. Немало пришлось поговорить с ним. Собственно, так и не удалось его до конца «расколоть». Отмалчивался, глядел безразлично, точно спрашивал: «И что вы еще от меня хотите?». В протоколах допросов больше места занимали вопросы следователя, чем его ответы.

«Может, он станет разговорчивее, если его не допрашивать официально, а вызвать на обычный разговор? — думал тогда Савченко.— Ведь когда арестованный видит, что все его слова старательно записывают, а потом предлагают еще и самому подписать каждую страницу, он часто становится крайне осторожным».

Но и откровенный разговор ничего не дал. Луговой пожимал плечами и угрюмо говорил:

— Виноват. Судите... А другие пусть сами за себя отвечают. Я о них ничего не скажу. Напрасно стараетесь.

Но Савченко не терял надежды и не отказывался от бесед с Луговым. Говорили больше о будничных житейских делах, словно соседи, встретившиеся после утомительного рабочего дня. Луговой был токарем. Савченко тоже знал токарное дело. Всякий, кто услышал бы их, удивился: не часто так мирно разговаривает с преступником начальник уголовного розыска. Но Луговой по-прежнему говорил только о вещах, которые не имели никакого отношения к делу, а все связанное с ним старательно обходил. «Все-таки неплохой он человек,— думал Савченко, незаметно следя за Луговым полузакрытыми глазами,— Неплохой... Только свихнулся».

Луговому тогда было сорок лет. Женился поздно, на вдове. Вскоре у них родилась дочь. Когда Лугового арестовали, ей было года четыре. О дочери он вспоминал с строгательной нежностью, и тогда некрасивое лицо его оживлялось, становилось приветливым. Жили в маленькой комнате Ларисы Ивановны, жены Лугового. И вот случилось несчастье. Виновата во всем водка — так утверждала Лариса Ивановна. Луговой любил заглядывать в бутылку. Ходил в рестораны. Почему же не пойти, если приглашают и платят по счету? А разве он думал, что его опутают, потащат с собой на «дело»? Нет, он не крал. Он стоял у подъезда, чтобы в случае опасности дать сигнал тем, которые вошли в чужую квартиру. Он не видел, как они складывали в чемоданы вещи, как прятали по карманам деньги и облигации. На следующий день ему дали за «работу» пять тысяч рублей, которые он в тот же вечер проиграл в карты своим соратникам. Те успокаивали его: «Не горюй. Наклеивается интересное дело. Там еще больше поживимся».

Об «объекте» знали все: и как зайти в квартиру; и где что лежит. Крупный спекулянт, боясь разоблачения, не сдавал деньги в сберегательную кассу, а прятал их дома и приобретал ценные вещи. Луговой снова дежурил внизу, или, как говорят воры, стоял «на стреме».

Вечером ему вручили двадцать тысяч рублей. Он даже не знал, куда их деть. Таких денег он никогда не держал в руках. Андрик похвастался, что взял одних лишь денег более ста тысяч и, кроме того, немало ценных вещей и облигаций. Он очень развеселился, когда прошла молва, что спекулянт заявил в милицию о краже двадцати трех тысяч. «Дрейфит, сукин сын, — смеялся Андрик. — Скажи он всю правду — вместе с нами пошлют к белым медведям».

Луговой не знал, что ему делать с такими большими деньгами. Он боялся их. Не осмеливался даже намекнуть о них жене, не решился положить их на сберкнижку, приобрести какую-нибудь вещь. Ему казалось, что его тут же схватят за руку и... У него даже изменилась походка. Он стал ходить боязливо, то и дело оглядываясь. Ночью мучили кошмары, снились убийства, он кричал, просыпался в холодном поту. Он видел, как со страхом смотрела на него жена, как всхлипывала разбуженная его криком дочь. Только когда напивался,

ничто не беспокоило его: спал, словно убитый. С тех пор редко его видели трезвым.

Луговой не отрицал свое участие в кражах. Ему даже хотелось, чтобы суд состоялся как можно скорее. словно это было для него спасением. Допросы и беседы его только злили. Он не хотел ни с кем встречаться, даже с женой, хотя передачи от нее принимал. С Савченко разговаривал охотнее, видимо, потому, что начальник уголовного розыска своей искренностью сумел расположить его к себе.

На очной ставке с Андриком Луговой остался верным себе: он ничего не сказал. Андрик был явно доволен его поведением. Но по тому, как Луговой смотрел на Андрика, Савченко понял, что он ненавидит его.

После суда Савченко навещил Лугового. Он сделал вид, что пришел лишь на минуту, попрощаться. «Ну, что ж,— сказал он,— до новой встречи, только, конечно, не тут. Надеюсь, что та встреча будет желаемой для нас обоих». У Лугового заблестели глаза. Он прямо посмотрел на Савченко и хриплым, точно чужим голосом ответил: «С этим покончено...». Видимо, хотел еще что-то сказать, но не решился. Его лицо перекосилось, будто от боли.

«Совесь мучила,— припоминая эту сцену, подумал Савченко.— Он будет человеком. А это важнее удачно проведенной операции по розыску преступников».

Почти через полгода после суда Савченко встретил на улице Ларису Ивановну. За это время он не получал никаких сведений об осужденном, знал лишь, куда его отправили. Лариса Ивановна остановилась первой и, поздоровавшись, проговорила:

— Извините... Я все собиралась зайти к вам, но... С такими мелочами...

Он ждал, что она скажет о муже. Они присели на скамейку, и Савченко, чтобы помочь женщине преодолеть неловкость, стал расспрашивать ее о дочери: «Как Галя? В детский сад ходит? Ей уже пять лет?» Лариса Ивановна отвечала растерянно, скупно. Потом тяжело вздохнула и, нервно сжимая пальцами потертую сумку, сказала:

— Муж тоже в каждом письме про дочь спрашивает... Очень беспокоится за нее. А она...— голос женщины задрожал,— все интересуется: «Где папа?» А что

я ей скажу?.. Подрастет — поймет. И как больно ей будет! А чем она виновата?

Савченко не ответил. Немного успокоившись, Лариса Ивановна продолжала:

— Носи теперь на сердце этот камень... А что делаешь? Сейчас и он понимает, опомнился. В письмах об этом пишет. Вот сегодня получила... — она вынула из сумки смятый конверт, протянула Савченко. — Тут и о вас вспоминает...

— Вероятно, ругает меня.

— Нет, не вас ругает. Себя. Прочитайте.

Савченко подержал в руках конверт и возвратил обратно.

— Не нужно. Ведь он вам пишет. Мне бы он, наверное, иначе написал.

Лариса Ивановна развернула письмо и несколько выдержек зачитала сама. Луговой рассказывал о работе, просил не высылать посылок: «Нам здесь платят. Мне ничего не нужно, не отрывай от себя». Советовал продать его синий костюм и купить дочке материал на пальтишко. «А я возвращусь — заживем по-другому». Спрашивал, вспоминает ли о нем Галя. «Скажи ей, что я скоро приеду. Кто работает добросовестно, тех отпускают раньше срока». О Савченко упоминалось коротко: «Думаю я часто о начальнике уголовного розыска. Стыдно мне перед ним. Он ко мне, как к человеку, а я такой был...»

После этой встречи Лариса Ивановна приходила к Савченко еще несколько раз и приносила письма мужа...

И вот Луговой дома. Стал ли он таким, каким обещал быть в письмах? Почему Лариса Ивановна не поделилась своей радостью? Немного обидно. Хоть бы позвонила... А может, все оказалось не таким, как она думала?

А тут еще Андрик... Неужели Костенко прав, и Луговой снова с этим бандитом? Но тогда Лариса Ивановна обязательно пришла бы. Или пожалела мужа?

Савченко вынимает блокнот и ищет номер телефона протоварного магазина № 7. Магазин уже закрыт, но работники, наверное, еще не разошлись. Во всяком случае, позвонить можно.

Он сразу узнал голос Ларисы Ивановны.

— Вас можно поздравить, Лариса Ивановна? — на-

чал Савченко и, не ожидая ответа, полушутя упрекнул: — Муж возвратился, а вы молчите. Даже не позвонили...

— Не знаю еще, как все будет...— невесело начала она и, вздохнув, оборвала фразу.

Савченко нахмурился. Ответ насторожил его. Что же случилось? Ведь Лариса Ивановна с таким нетерпением ждала мужа. А теперь, когда он возвратился, как бы не рада этому. Почему? Конечно, по телефону она ничего не скажет. Лучше встретиться с ней...

— Уже больше месяца дома,— снова заговорила женщина.— Думала, отдохнет, пойдет работать. И вот не вышло... Ходил он. На механическом был. Показал документы — не захотели и говорить. Знаете, Степан был сам не свой. Целый вечер просидел мрачнее тучи. Потом на инструментальный пошел. Им как раз токарь был нужен. Там обещали взять. С неделю ходил к ним. Все чего-то тянули, а потом говорят: «Уже не нужно, другого взяли». А разве он не понял, что этот другой уже после него приходил? Потом знакомые рабочие ему сказали, что могли бы и его взять... Что же ему теперь делать?

— Почему же ко мне не заглянули? Вы же, Лариса Ивановна, знаете дорогу,— с легким укором сказал Савченко.

Женщина вздохнула.

— Я говорила Степану, но разве он послушает. Ему стыдно перед вами... Я думала вас просить, чтобы вы зашли, да не знаю...

Слушая Ларису Ивановну, Савченко думал: «Как сложится жизнь Лугового дальше? Если его будут отталкивать, если на каждом шагу будут бросать в лицо: «Ты — вор», не затянет ли его снова к себе эта пьяная компания, в которой он теперь уже будет пользоваться репутацией героя? А тут как раз появился Андрик. Этот обеими руками схватится за него. А кто знает, устоит ли Луговой? И мы же сами толкаем его в объятия Андрика. Нет, этого допустить нельзя, Луговой должен найти свое место в жизни. Надо срочно помочь ему».

Продолжая разговор, Савченко сказал:

— А ваше приглашение еще остается в силе?.. Сегодня у меня свободный вечер. Могу заглянуть.

— Мы с радостью... Приходите, Петр Федорович!

Савченко посмотрел на настольный календарь. «20 час.— кино. Тарас — билеты». Поморщился: «Снова жена и сын будут обижаться. Сам же напомнил о кино, за билетами послал — и вот...» Он перевернул несколько листов, взял красный карандаш и на субботах написал одно слово: «Театр». А сейчас нужно идти к Луговому.

Он надел плащ и пошел к двери. У порога нерешительно остановился. Нет, так не выйдет. Что он скажет Луговому? Ему нужна конкретная помощь. Луговой — квалифицированный токарь, разве не найдется для него хорошей работы? А эти из отделов по найму, которые отказываются принять его на работу, не они ли вынуждают его снова вспомнить позорное ремесло? Ведь ему на что-то надо жить!

Савченко нашел номер телефона инструментального завода. Отдел кадров не ответил. Что ж, он попробует дозвониться в партком. Трубку взял секретарь партийного комитета завода. Савченко представился и коротко изложил просьбу. В ответ прозвучал веселый голос:

— Подобную просьбу я спокойно выслушал бы от кого угодно, но чтобы начальник уголовного розыска просил за бывшего преступника — это впервые в моей практике...

— Приходится и такими делами заниматься. Ничего не сделаешь. Так как смотрите на трудоустройство Лугового?

— Когда за него ручается такой человек... Нам действительно нужны токари. И Луговой, если у него подходящая квалификация, конечно, подойдет. Но доверие коллектива он должен завоевать честным трудом. Пятно не исчезает само по себе. Нужно смыть его. Вот и пусть смывает. А мы поможем. Я поговорю с начальником отдела кадров...

«Ну, вот, — удовлетворенно подумал Савченко. — Теперь можно идти». По дороге он купил для дочки Луговых плитку шоколада.

* *
*

К Луговым он пришел раньше Ларисы Ивановны. Возможно, она умышленно задержалась, чтобы дать им время поговорить наедине.

Для Лугового визит начальника уголовного розыска был совершенно неожиданным, и он не мог скрыть удивления. И не только удивления. Савченко показалось, что загорелое, с запавшими щеками лицо Лугового дрогнуло, словно он испугался. «Неужели Костенко был прав?» — мелькнула тревожная мысль.

Луговой сидел возле стола рядом с дочерью. Та старательно что-то писала в тетради.

— Не ждал гостя? — спросил Савченко. — А я, между прочим, думал, что ко мне заглянешь. Все-таки старые знакомые. Не правда ли?

Луговой молчал. Беспokoйно взглянул на дочь.

— Ты бы, Галя, пошла к соседям. С Наталкой поиграла...

Савченко протянул девочке шоколад. Галя, поблагодарив за подарок, вышла. Майор неторопливо стал расспрашивать хозяина о том, в каких местах он побывал, какой там климат, как работал. Луговой отвечал неохотно.

— Ну, и как дальше думаешь жить? — спросил Савченко.

Тот ответил не сразу. Задумчиво посмотрел в окно.

— Как дальше? А что мне остается? Как смотрят на меня? Бояться и близко подойти...

— А ты думал, что тебя встретят как героя? — не удержался Савченко от иронии. — Откроют тебе все дороги?

Луговой молчал.

— Ты на людей не очень обижайся, — продолжал Савченко. — Ты их тяжело оскорбил и не жди, что они тебя на руках носить будут. Заслужить надо прощение.

Луговой сделал жест рукой, точно хотел возразить, но промолчал, опустил голову. Савченко заговорил мягче.

— Словом, Луговой, жить нужно по-другому. Раз уже решил покончить с прошлым, то отступить нечего. У тебя неплохая специальность. Куда ты собирался? На инструментальный?

— Ходил... — Луговой безнадежно махнул рукой.

— К кому ты ходил? К какому-то чиновнику? Тот отказал и ты уже решил, что от тебя весь свет отвернулся. А ты пойдешь в завком, к директору. Честь нужно завоевывать, на милость тут не надейся. Завтра ты

пойдешь на завод, и об этом мы с тобой больше говорить не будем. Ясно?.. Ну, а теперь потолкуем о том, что нас интересует. С Андриком встречался?

— Это что, допрос?

— На допрос мы вызываем к себе. Сам знаешь, что такое допрос и как его ведут. А я вот пришел к тебе. Пришел как человек, который верит. Можешь не отвечать, это твое дело.

Луговой нахмурился и хрипло сказал:

— А что из этого? Ну, видел. Приходил сюда. Больше, думаю, не придет...

— Это было до убийства бухгалтера промтоварной базы?

Луговой удивленно посмотрел на Савченко.

— Доказано, что бухгалтера убил Андрик.

— Андрик? Он же сказал, что в городе недолго будет...— Луговой умолк и снова кинул на майора удивленно-недоверчивый взгляд: «Не один ли это из обычных приемов следователя?»

На вопросы он отвечал скупно, неохотно. Когда приходил? Недели три тому назад. Может раньше. Зашел один, но на улице его ждала какая-то женщина. Ее Луговой увидел тогда, когда Андрик ушел. Около киоска «Воды» он подошел к этой женщине, что-то сказал ей, и они пошли вместе. Что можно сказать о ней? Она была далеко, а он смотрел из окна, не разглядел как следует. Невысокая, светлые волосы — вот и все. О чем с ним говорил Андрик? Обо всем. Спрашивал, нет ли на примете надежных людей. Говорил, что есть у него кое-кто, но такие, что могут продать. Мелочь всякая. «Мамины сынки». Начал муштровать их. Намекал и ему, Луговому, чтобы пристал к компании. А потом, прощаясь, сказал, что завтра едет в Одессу: там спокойнее, да и свои остались.

«Конечно, Одесса тут ни при чем,— решил Савченко.— Просто Андрик не доверяет Луговому».

Прощаясь, Савченко еще раз напомнил:

— Не забудь заглянуть на инструментальный. И позвони потом, что тебе скажут. Добре? Вот мой номер телефона.

Луговой ничего не обещал. И Савченко понял, что он никогда не позвонит ему, никогда не придет с просьбой, даже в самом безвыходном положении. Почему?

Гордость или стыд? На это Савченко пока не мог дать себе ответа.

Только он вышел из квартиры Лугового на улицу, как к нему торопливо подошла Лариса Ивановна. «Не заходила,— догадался Савченко,— ждала меня здесь».

— Извините, на работе задержали...— она опустила глаза.— А дома как? Все благополучно?

— Ничего, ничего,— успокоил ее Савченко.— Дома все, как следует. Мы довольно искренне и с пользой для обоих поговорили с вашим мужем.

— Ну, как он?— спросила она таким тоном, каким спрашивает мать у учителя о своем ребенке.

— Завтра ваш муж устраивается на инструментальный завод токарем. Это уже твердо...

— Спасибо, Петр Федорович! Я уж и не знаю, как вас благодарить...

— За что благодарить?— пожал плечами Савченко и добавил:— Все будет хорошо.

ЗОЙКА

Перед тем, как идти в Деревянный переулок, Микола заглянул в паспортный стол.

— Деревянный переулок?— переспросил полный, круглолицый капитан.— Гм... Домоуправление № 195... Знаете, что-то у нас там было... Моргун, не помнишь?

— Да уже все утрясли.

— А все-таки, что там было?

— Да один жаловался, что отца не прописывают. Какой-то Гаврилюк. Приехал его отец погостить на месяц, а в домоуправлении уперлись и... Но я уже позвонил. Теперь пропишут.

Микола решил воспользоваться жалобой неизвестного Гаврилюка из Деревянного переулка и поговорить с ним под видом инспектора паспортного отдела.

Он медленно шел по переулку, внимательно приглядываясь к домам. Микола как бы пытался угадать, кто живет в том или другом доме. Вот двухэтажный особняк. Балкон освещен. На нем за маленьким столиком двое мужчин играют в шахматы. Рядом тоже двухэтажный особнячок, хотя и поменьше. Комнат тут, видимо, немного—четыре или пять. Домик точно игрушечный,

как в детских сказках. С улицы невысокая железная изгородь с калиткой, на которой прибиты почтовый ящик и жестяная дощечка с надписью: «Деревянный пер., 5». Микола уже знал, что это дом профессора Шухрая. Интересно, почему окна не освещены? Нет никого дома? А вот здесь живет Гаврилюк. Дом шесть, квартира восемь.

Зайдя в освещенный подъезд, Микола столкнулся с низеньким, худеньким мужчиной лет тридцати. Это и был Гаврилюк. Он извинился, что не может пригласить гостя в квартиру: его жена моет полы. Они сели на скамейку у дома и разговорились. Видно, Гаврилюку действительно нужно было где-то скоротать время, поэтому он был рад неожиданному собеседнику. Отец Гаврилюка, которым интересовался Микола, пошел с внуком в кино.

За полчаса Микола узнал о Гаврилюке все. Тот подробно рассказал ему о своей работе (он был слесарем на строительстве) и о тех, кто окружает его: о прорабе, о малярах, электриках и даже о жильцах, для которых строят дома.

Микола чувствовал, как с каждой минутой Гаврилюк все больше завоевывал его симпатии. Этот человек никогда не был безразличен к недостаткам. Временами он, как говорят, перегибал палку, слишком горячо воспринимал мелочные неполадки, но, как думал Микола, это все-таки лучше, чем проходить мимо них.

Заговорил он через некоторое время и о своей жалобе:

— Знают ли в домоуправлении законы? А как же! Знают. Так в чем же дело? А? «Без прописки,— говорят,— жить нельзя, оштрафуем. А чтобы прописать — подумаем». Э, какие! Без прописки... А мало ли без прописки живет у нас. Вон у профессорского сынка дней десять сидел какой-то. А кто ему хотя бы намекнул о штрафе?

Микола насторожился, спросил с нарочитым безразличием:

— Это там, напротив?

— Да. Профессор с женой на курорте, а сынок их, Анатолий, рад, что один остался, вот и тянет к себе всякие компании. Не работает, живет на отцовские деньги...

— Его, вероятно, нет дома? — спросил Микола.

- Небошь с дружками в ресторане сидит.
- Наверное, с тем самым, не прописанным?
- Того не видно. Вот уже второй день.
- Совсем уехал?

— Кто его знает... Когда же я их видел? Подождите... Позавчера! Институтский шофер, который профессора обслуживает, отвозил их куда-то. С ними еще девушка была... или женщина. Не рассмотрел, темно было. Только заметил, что волосы у нее белые, видимо, крашенные. Мы тут как раз с отцом сидели. Ну, я ему и показал их: вот, говорю, золотая молодежь. А он только сплюнул. Нет, говорит, на них хорошей палки.

— А тот гость, какой он из себя? — как можно спокойнее спросил Микола.

— Как вам сказать? Наверное, с вас ростом. Крепкий человеке...

— С усиками? — не выдержал Микола.

— С усиками? Нет, в тот вечер, по-моему... А раньше, действительно, у него были усики.

— А одет как?

— Макинтош, серая фуражка...

— Как они называли его? Может, слышали случайно?

— Не скажу вам, не слышал. А вот девушку Анатолий, когда садился в машину, назвал Зойкой.

— Скажите, а сын профессора ростом ниже своего гостя?

— Ниже и шупленький...

— И одно плечо у него выше другого, — подсказал Микола и тут же пожалел об этом. Зачем так выдавать себя? Ведь мог бы и сам увидеть позднее.

Гаврилюк удивленно посмотрел на него.

— Не замечал, хотя вот уже несколько лет живу рядом с ними... Нет, по-моему... А кто его знает? Может, когда присмотришься...

Сомнение Гаврилюка немного охладило Миколу. Ему, конечно, хотелось бы, чтобы его подозрения оправдались полностью. Игак, Андрик уже второй день не показывается здесь. А почему Андрик? Откуда он взял, что в профессорской квартире жил именно Андрик? Ему так хочется? Но этого мало. Нужны доказательства. Теперь этот Анатолий Шухрай, «мамин сынок»... Такой с испуга все расскажет. А если и его нет? И потом, зачем profes-

сорскому сынку убивать скромного бухгалтера промтоварной базы?.. Еще появилась какая-то Зойка. Ну, это наверняка девица легкого поведения...

— Взятась бы за эту компанию милиция,— заговорил Гаврилюк,— пропадут же люди. Я как-то матери Анатолия сказал: «Что же это вы трутня кормите»? Ого-го! Как она мне тогда... Не рад был, что зацепил. А вот вам надо за них взяться...

Микола невнятно пробормотал, что его дело следить за соблюдением паспортного режима, и распрощался с Гаврилюком, пообещав при случае заглянуть в гости.

* *
*

Микола беспокоился, что в управлении уже никого не застанет. Придется, видимо, позвонить на квартиру Савченко. Но эти опасения оказались напрасными. Савченко был у себя — и не один. На своем обычном месте — около стола начальника — сидел хмурый Костенко. Рядом стоял лейтенант Мовчан.

Когда Микола вошел, лейтенант весело подмигнул ему. Нетрудно было догадаться, что получены хорошие вести. Может, и он нащупал надежный след?

Хорошее настроение было и у Савченко. Очевидно, не зря ходил он к Луговому, и теперь кольцо вокруг убийц стягивается еще туже. Микола не знал, что единственная причина его приподнятого настроения — это то, что он убедился: еще один человек смыл с себя грязь темного прошлого.

Один Костенко был хмур и задумчив. А впрочем, сегодня ему было над чем задуматься. И не только потому, что он ошибся в Луговом. Без ошибки в таком деле не всегда обойдешься.

Сегодня он был на трикотажной фабрике. Собственно, не на самой фабрике, а в фабричном клубе, где проходило профсоюзное собрание. После собрания в клубе начались танцы, сюда пришло много молодежи и не только с фабрики. Костенко мог остаться незамеченным. Это его устраивало. Намерения у него были скромные: присмотреться к людям, прислушаться к разговорам, познакомиться с кем-нибудь, словом, как говорят, прощупать почву.

Все шло бы по намеченному плану, если бы не его знакомый — Алексей Цыбуля. Костенко и не подозревал, что он работает механиком на этой фабрике. Виделись они последний раз еще во время войны, за Вислой, где Алексей командовал ротой, а Костенко вылавливал диверсантов. С тех пор немало воды утекло. При других обстоятельствах Костенко искренне был бы рад встрече. Но в тот момент...

В фойе было много людей, и, безусловно, выкрик Алексея привлек их внимание.

— Ух, Пинкертон! Откуда?

И, хотя Алексей располнел и облысел, стал мало похож на того стройного, подтянутого офицера, каким Костенко помнил его, все же он узнал его сразу. Узнал по его беззаботной улыбке, приветливым серым глазам и, конечно, по самому выкрику. Алексей никогда не называл его по имени, а каждый раз именовал то Пинкертоном, то Шерлоком Холмсом.

Их дружба удивляла многих. Были они совсем разные: один веселый, любитель пошутить, временами бесшабашный, второй — сдержанный и молчаливый.

За Одером Алексея ранило, а Костенко перевели в другую часть. Они потеряли друг друга. В город Алексей приехал год тому назад, и вот только сейчас встретились.

Алексей обнял товарища и засыпал его вопросами:

— Ну, как ты? Снова воров ловишь? Видимо, и у нас кого-то нащупал? А?

Костенко тихо отвечал и старался увести Алексея подальше от людей. Когда это ему удалось, он, облегченно вздохнув, бросил с укоризной:

— Людей пугаешь!

— Людей? Нет, люди не испугаются. А вот те, у кого совесть нечиста, другое дело... Значит, моя милиция меня бережет? Ну-ну! Чего же мы тут стоим? Пошли к тебе или ко мне...

— Послушай, Алексей, а не лучше ли завтра? Возьмешь жену, детей — и ко мне!

Алексей согласился с этим предложением, но расставаться с товарищем не торопился. Уговорил его зайти в небольшую, пропахшую жареным мясом шашлычную.

— Девушка, по кружке пива! — обратился он к официантке и потом уже сдержанно к Костенко: — Значит.

по старой линии пошел? Молодец. Ну, а на нашей фабрике что тебя интересует?

— Просто зашел в клуб...

— Э, рассказывай! Как будто не знаю я тебя! Так просто не зайдешь. Ты, наверное, когда и с женой говоришь, тоже прислушиваешься: не скажет ли она чего подозрительного? Да? — Алексей рассмеялся, но тут же снова стал серьезным. — Только, друже, так ты ничего не увидишь. На собраниях все они тихие и милые, как голуби. А ты загляни в особняк главного инженера. Наверное, не хуже чем у графа Потоцкого. Вон там, на Алтайской. Оранжерея даже есть, целый зимний сад. Вискозная ниточка тоненькая, а, видно, золотая она...

Алексей умолк и несколько минут, не торопясь, смакуя, тянул пенистое пиво. Потом неожиданно сказал:

— Ну, Пинкертон, вот тебе задача: могут ли отходы вискозных ниток принести сотню тысяч рублей? А? Не знаешь? А главный инженер умнее нас с тобой. И даже умнее вашего ОБХСС. Они пытались прицепиться к нему, да не вышло. Вот как. Уметь нужно. Ты только порог переступил, а в клубе уже: шу-шу-шу. Пока ты разберешься, а они уже все концы в воду.

Костенко неприятно поразили эти слова. Он был уверен, что зашел в клуб незамеченным, а оказалось, что его узнали. Если на фабрике есть преступники, то они теперь залезут в такие щели, что их оттуда не выцарапашь!

Эти мысли беспокоили его и позже, когда он уже сидел в кабинете Савченко.

Микола всего этого не знал. Он слушал рапорт Мовчана, который возвратился из рейса по городским гостиницам. Микола слушал его с завистью и удивлением. «Знает свое дело. Учись, младший лейтенант!» — говорил он себе.

Выяснилось, что в день приезда в город Андрик остановился в гостинице, и не где-нибудь, а в «Интуристе». Воры любят пофорсить. Андрик не отличался в этом от других. Тем более, что он не очень рисковал. В анкете, которая сохранилась у администратора гостиницы, он был записан как Таганский Игорь Сергеевич. Администратор заверил, что на эту фамилию у жильца был и паспорт. Когда Мовчан показал ему несколько фотографий, он, внимательно посмотрев все, указал на фото Андрика. Дежурная по этажу тоже показала на фото

Андрика: «Как же мне его не знать? Я с ним поругалась. Поселился вечером, переночевал. Утром ушел. Целый день не показывался. А в полночь появился и привел одну... накрашенную, страшно смотреть на нее. Тычет в руку мне двадцать пять рублей, чтобы я пропустила ее. Но как же я могу пропустить ее среди ночи? Нельзя, говорю, это запрещено, и не нужно мне ваших денег. Где-то, наверное, имеет жену и детей. А тут вырвался в командировку и уже... Не пустила я их. А барышню при нем осрамила, как могла. Но ей, видно, все одно. Потом они о чем-то поговорили между собой, он забрал свой чемодан, и больше я его не видела».

— О спутнице Андрика нам известно мало,— добавил Мовчан.— Низенькая, худенькая, с крашеными белыми волосами. Плечи острые, худые. На руках маникюр красного цвета. Золотое с рубином кольцо. Румяные щеки. Возраст определить трудно. Дежурная утверждает, что около тридцати. Известно имя, собственно, то, которым назвал ее Андрик,— Зойка...

— Зойка? — не сдержался Микола и, как бы извиняясь, добавил: — Я тоже наткнулся на Зойку...

Савченко часто прерывал сообщение Миколы, требовал мельчайших подробностей. Когда тот закончил свой рассказ, Савченко обвел взглядом присутствующих:

— Ну, что ж, теперь мы имеем три имени. Итак, нас интересуют: Таганский Игорь Сергеевич, он же Андрик, Анатолий Шухрай, Зойка... Не о ней ли говорил мне Луговой? «Невысокая женщина со светлыми волосами». А этот Шухрай не из тех ли «маминых сынков», которых муштрует Андрик? Потом те сомнительные друзья Андрика, которые могут продать... М-да...— и, внезапно оборвав мысль, Савченко быстро спросил Миколу: — Что вы собираетесь делать завтра?

Микола хотел ответить: «Что прикажете», но своевременно удержался, подумав, что не такого ответа ждет от него Савченко. Нужно что-то самому предложить. Не вечно же быть только исполнителем, надо проявлять свою инициативу.

— Может, взять Анатолия Шухрая? — нерешительно сказал он.— На допросе он все расскажет. Приведет и к Зойке. А там и к Андрику ближе...

— Взять человека нетрудно,— перебил его Савченко.— И в то же время... не легко. Улики достаточные?

Нет? Вот то-то и оно. Словом, найдите шофера профессора Шухрая. Он вам поможет... Да! — он вдруг обернулся к Костенко. — Я сейчас вспомнил, где встречал твоего товарища Алексея Цыбулю. Он не так давно выступал на партийно-хозяйственном активе. Здорово выступал, остро. И мне кажется... — он почему-то заколебался, оборвал фразу. — А впрочем... Это хорошо, что ты пригласил его в гости.

КТО ТАКОЙ НОВИЦКИЙ?

Алексей Цыбуля исполнил обещание: вечером, точно в назначенное время, он был у Костенко вместе с женой и детьми.

Когда садились за стол, в комнату вошел Савченко. Горпина Сергеевна, жена Костенко, поднялась навстречу.

— Наконец-то, Петр Федорович! А мы уже думали, что вы не придете. Вы еще не знакомы? — и она отрекомендовала гостей.

Алексей, хитро подмигнув жене, сказал:

— Смотри, старуха, в каком мы окружении! Вот как ходить в гости к работникам уголовного розыска!

Все рассмеялись, за исключением Костенко, которому шутка не понравилась.

Оживление не утихло. Казалось, что не Костенко хозяин дома, а Алексей Цыбуля. Он то и дело провозглашал тосты, посылал то одного, то другого на кухню что-нибудь принести, угощал всех: «Кушайте, дорогие гости, не стесняйтесь!» Он же и подал команду:

— Пора и честь знать. Встать — и в садик! Мужчинам остаться!

Когда с шумом и смехом женщины и дети вышли, Алексей подмигнул Савченко и Костенко.

— А теперь давайте поговорим. Раз заманили меня сюда — спрашивайте...

— Да ты что, Алексей... — пробурчал Костенко.

— Молчи, Пинкертон, я тебя знаю. Только нужно было и из ОБХСС кого-нибудь захватить, — Алексей улыбнулся, но тут же заговорил серьезно: — Ну, что же. Есть у меня некоторые подозрения. Не все в порядке на нашей фабрике. Начнем с главного инженера, с его особняка, который на Алтайской. Видели? Нет? А следо-

вало бы посмотреть. Я бы туда всю нашу фабрику сводил. Смотрите, мол, люди, как за ваш счет некоторые сооружают себе дворцы...

— Я интересовался этим,— перебил Костенко.— В ОБХСС поступали сигналы, но проверка ничего не показала. Были отмечены лишь некоторые мелкие злоупотребления...

— Мелкие злоупотребления,— с насмешкой повторил Алексей.— Эх, вы... Проверка! Какая проверка? В документы заглянули — и все. Документы у них, браток, чистые, не подкопаешься. А вы с народом поговорите. Народ всю правду скажет. С фабрики левую продукцию машинами вывозят, а вы не можете их разоблачить. Почему? Обюрократились. Из кабинетов редко вылезаете. А что хуже всего — с народом не советуется. Вот я уже почти год на фабрике работаю, а из вас никого там не видел. Почему вам не побывать в цехах, с людьми не поговорить, с дружинниками?.. Ты, Иван Дмитриевич, не крути головой, а спокойно выслушай. Алексей Цыбуля никогда не кривит душой. Может, горькие эти слова? Ну, что ж, такая уж особенность Цыбули... Иван Дмитриевич! Ты человек способный, это я давно знаю. Но стареешь, дружок... Наверное,— он снова перешел на веселый тон,— редко так случается: придет человек в гости и вместо того, чтобы благодарить хозяина, нападает на него. Так вы уж извините меня. Только я вот что еще скажу. Надоело, знаете, смотреть на эти беспорядки. Я сегодня нашему парторгу так и заявил: посылайте-ка меня к дружинникам, к комсомольцам. Ребята у нас хорошие. Я с ними уже говорил. Наладим контакт с комсомольцами промтоварной базы. Наш главный инженер Бидар с их Крамовым, как говорят, душа в душу живут.

— Это нам очень важно,— сказал Савченко.— Не всегда встретишь такого энергичного помощника.

— А вы лучше ищите их.

Савченко не ответил. Что скрывать? Верно, они не всегда помнили, что находятся среди советских людей, готовых помочь им в любую минуту. Но сейчас им важнее всего как можно больше узнать о фабрике, о людях, которые окружают Бидара, о тех, кто, возможно, свел его с Крамовым.

Алексея не нужно было тянуть за язык. Он охотно и подробно сам рассказывал все, что знал. Вспомнил некоего Новицкого.

— Шофер. Часто заходит к Бидару. Даже, говорят, дома бывает у него. Вообще Новицкий нелюдим, никому слова не скажет. Глаза у него... Да бес их знает, какие у него глаза, он прямо никогда не посмотрит. У нас его не любят. А вот главный инженер будто немного побаивается его...

— Какой он из себя, этот Новицкий? — спросил Костенко.

— Сутуловат, ходит так, точно туловище у него перекошено...

— Одно плечо выше другого? — нетерпеливо перебил Костенко.

— Да, вроде...

— Не помнишь, восемнадцатого ты видел его?

— Восемнадцатого? Это среда?.. Нет, не было его. Еще во вторник уехал в Житомир. Возвратился в четверг...

В эту минуту Алексея позвали в сад. Он вопросительно посмотрел на товарищей.

— Если зовут, видимо, нужно идти, — проговорил Савченко, а когда за Алексеем закрылась дверь, задумчиво обратился к Костенко:

— Новицкий... Действительно ли он был в тот день в Житомире? Нужно показать его Васильку и дворнику с Кондукторской. Впрочем, придется и в Житомир съездить... — он внимательно посмотрел на суровое лицо майора и тихо сказал: — А вообще, Иван Дмитриевич, твой друг, пожалуй, прав...

— Критиков развелось много, — махнул рукой Костенко. — У нас работа специфическая и будет лучше, если перестанут вмешиваться со стороны.

— Вот как? — Савченко прищурил глаза. — А я решил, что это заставит тебя задуматься.

— Не первый год в уголовном розыске. Было когда думать.

— Напрасно так говоришь, Иван Дмитриевич. Нам действительно нужно побольше опираться на народ, на общественность. С народом у нас одна цель. Так почему же мы должны от него отгораживаться? Почему мы...

На пороге появилась Горпина Сергеевна.

— Да что же такое? У вас не было времени поспорить в управлении? Идите к гостям.

— Вы правы, Горпина Сергеевна,— поднялся Савченко.— Разговор можно отложить на другое время. Извините нас.

ЕЩЕ ОДИН

В закусную на углу улиц Шевченко и Чапаева ежедневно около шести часов вечера входил никому из завсегдатаев неизвестный посетитель. Заказывать не спешил. Брал обычно кружку пива или пару стаканов чая. Официанток это каждый раз удивляло и даже несколько оскорбляло. Интересно ли обслуживать посетителя, если его заказ исчисляется одним-двумя рублями? Другие берут водку, пиво, дорогие закуски. А этот часами сидит над стаканом чая и смотрит на улицу, словно ему нечего делать.

Он старался не привлекать к себе внимания. Однажды лейтенант из паспортного отдела издали крикнул ему: «Привет, Полещук!» К счастью, лейтенант был в гражданском, и, кажется, его тут никто не знал.

Вынужденное безделье в закусной тяготило Миколу, и он все время нетерпеливо поглядывал на часы, ожидая, когда его сменит Мовчан. Тот, входя, садился за его столик или за соседний. Тогда Микола торопился рассчитаться и с облегчением выходил на улицу. Но он знал, что ему еще придется не один вечер сидеть в этой закусной и через окно наблюдать за двухэтажным домом, на втором этаже которого живет Зойка. Шофер политехнического института показал ему этот дом, к которому он привозил Андрика с друзьями. Шофер вспомнил, что его уговаривали отвезти Андрика в Черновцы, но он отказался. Говорил, что компания темная. Советовал Анатолию: «Отца пожалей. Свяжешься на свою голову».

Микола уже хорошо знал Зойку. Она и в самом деле выглядела так, как описал ее Мовчан. Если присмотреться внимательней, нетрудно было заметить морщины под глазами, усталый взгляд, блеклость кожи. Работала она маникюршей, часто брала отпуска за свой счет. Жила одна в просторной комнате с балконом.

Среди соседок подруг у нее не было. Ее избегали. Соседи рассказывали, что она часто приводила к себе под вечер мужчин. Еще бегаёт к ней один «стиляга». Собственно, за последние дни он был единственным посетителем Зойки.

Миколу казалось, что этот парень давно вырос из той одежды, в которой ходил. Высокий, с длинной худой шеей, в коротких штанах, узком пиджаке, он был похож на гуся.

«Парень, может, и не причастен к компании Андрика,— думал Микола,— но чего он к Зойке повадился?»

Как-то по пути в закусочную Микола подошел к постовому милиционеру и попросил его проверить документы «стиляги».

— Сделайте предупреждение, что, мол, неправильно перешел улицу, потребуйте паспорт. Запомните фамилию и прописку.

Когда прозвучал свисток милиционера, парень в нерешительности остановился посреди улицы, видимо, удивляясь, почему это милиция вдруг стала такой требовательной к пешеходам. Постовой не торопясь подошел к нему, откозырял.

— Вы что же, молодой человек, правил уличного движения не знаете?

— А я...

— Штраф заплатить захотелось? Ваши документы! — строго проговорил милиционер.

Парень вынул из внутреннего кармана пиджака паспорт и протянул постовому.

— Паспорт недавно получили... А с пропиской как?.. В порядке. Ну, вам повезло, что на тезку напали: меня тоже Валерием зовут. А вообще больше не нарушайте. Ясно? Берите паспорт... Нет, нет! Так не пойдет. Вон, видите, где переход?..

К Миколу милиционер подошел не сразу. Лишь спустя минут пять он поровнялся с ним и, не останавливаясь, скороговоркой отрапортовал:

— Добрянский Валерий Борисович, Железнодорожная, пять, тринадцать.

Микола кивнул головой и зашагал в закусочную.

...Он смотрит на часы. Через двадцать минут придет Мовчан. А вот спешит домой Зойка. Почти бежит. Что-то случилось? Всегда ходила медленно...

Через несколько минут в дом вошел Валерий. Ясно. Это уже до утра.

Нет! Вот он возвращается. Почему? Не идет ли он от нее с каким-нибудь поручением? Походка его стала другой, необычной, напряженной. Куда он пойдет? Жаль, что Микола не может проследить за ним. Скорее бы приходил Мовчан!

Мовчан пришел минута в минуту. Микола быстро вышел и повернул на ту же улицу, по которой пошел Валерий, но его уже не было видно.

„МАМИН СЫНОК“

Савченко встал из-за стола, в раздумьи прошелся по кабинету. Итак, действуют две шайки: расхитители Крамов и Бидар и группа Андрика, в которую входят Зойка, Анатолий Шухрай, Валерий... Кто еще? Новицкий? Дворник с Кондукторской не узнал Новицкого. Василько уверяет, что в тот вечер видел именно его. Однако этого недостаточно, чтобы подозревать человека. Что выяснит Костенко в Житомире? А если окажется, что в день убийства Кучинского Новицкий был за сотни километров, в Житомире? Да и с Крамовым еще не все ясно. Савченко, конечно, убежден, что это незаурядный мошенник. Не сомневается, что и Бидар такой же. Но это надо доказать. Нужны факты, точные, весомые, против которых не возразишь. Как доказать, что между ними и Андриком существует связь? Вызвать кого-нибудь на допрос? Нельзя, другие разбегутся. Главное, ускользнет Андрик. А его надо поймать обязательно. Значит остается одно: спокойно сжимать кольцо, чтобы одним ударом уничтожить всю шайку. Кажется, ни Бидар, ни Крамов не догадываются, что над ними сгущаются тучи. ОБХСС работает тонко. Молодец и Алексей Цыбуля. Расставил комсомольцев так, что ни одна машина не выедет за ворота без проверки. Бидар и Крамов сейчас осторожны, но они споткнутся...

Савченко снова думает о тех, кого завтра или послезавтра придется взять под стражу, а затем посадить на скамью подсудимых. Преступники не вызывают сожаления. Но вот «мамины сынки»... Ведь еще вчера они были

хорошими ребятами. Вчера. А сегодня... Почему? Как это случилось? Кто виноват? Может, вы, профессор Шухрай? Да, и вы. Вам некогда было думать о сыне. Это входило в обязанности жены. Так было согласовано между вами.

Говорят, иногда вы требовали от жены, чтобы сын рос в скромной обстановке, чтобы его меньше носили на руках и чтобы приучали к труду. Жена возражала и даже по-своему защищала свои взгляды: «Хватит того, что нам в детстве несладко жилось. Белого света не видели. Пусть наш ребенок ничего этого не знает». И вы не находили слов. Бормотали что-то и закрывались в кабинете. Вы, профессор, отступили. Перед кем? Перед мешанкой, которая стыдилась того, что родилась в деревне. Вы любили народные песни, хотели, чтобы и сын их любил. Как-то вы купили пластинку «На городи верба ясна». Жена подарила ее молочнице: «Это для них... Кто-нибудь услышит — что о нас скажут?» Вы пожалели плечами и не нашли ответа. По вечерам дикие звуки джаза заполняли дом. Жена была удовлетворена: «Теперь никто не скажет, что мы некультурные люди». Вы вздыхали, профессор, и плотнее закрывали двери кабинета.

Однажды жена напомнила вам, что уже время проявить отцовскую заботу: речь шла о том, чтобы устроить сына в институт. Надежда, что он пройдет по конкурсу, была напрасна. Вы понимали, чего от вас требовали, и чуть не сгорели от стыда. Вы человек честный. Но ваша жена знала одно: ради сына можно пойти на все. «А тебе, — уговаривала она, — разве трудно шепнуть знакомым?..» Вы, правда, никого не просили о сыне, только пожаловались коллегам: вот, мол, жена не дает покоя... Коллеги все понимали. Им было жаль вас. И поэтому на вступительных экзаменах они зависили оценки Анатолию. Ему удалось поступить в институт. Но хотел ли он учиться?..

Да, профессор, не радостную весть вы узнаете, когда вернетесь с курорта. Сын уже не встретит вас... Что вы тогда скажете? Будете упрекать жену? Мол, она виновата? Конечно, виновата. Но и вы тоже, и в неменьшей степени.

Чего нехватало вашему сыну? Не потому ли он пошел за Андриком, что ему уже надоели и роскошь, и

чрезмерные ласки матери, и бездельничество? Почему никто вовремя не остановил его? Где были его товарищи? Институтских, правда, он сам избегал, относился к ним свысока, отвернулся и от комсомола. Жаль, что сейчас каникулы, в институте пусто...

Каникулы... В школах тоже сейчас никого нет. Вот и пошел скользкой тропкой Валерий. Савченко хочется верить, что его еще можно спасти, вытянуть из болота. Савченко не встречался с матерью Валерия, но уже кое-что знает о ней. Работает на кондитерской фабрике мастером. Добросовестная, требовательная к себе и другим. С доски почта уже давно не снимают ее портрет. Постоянно выбирают членом фабричного комитета. Других воспитывает, а вот сына... Как же это получилось? Часто задерживается на работе — общественные обязанности. А Валерий предоставлен самому себе. Любая мать убеждена, что ее сын не сделает ничего дурного. Поэтому и не тревожилась, когда уходила в ночную смену. Откуда ей было знать, что почти следом за ней выбегал и он. Когда мать возвращалась, он был уже дома, в кровати. Было ли о чем беспокоиться? Не ведала, какой удар готовит ей сын... Нужно поговорить и с Валерием, и с его матерью. Вызывать их неудобно. Лучше зайти к ним домой. Конечно, нужно действовать осторожно.

...Сегодня у Марты Васильевны — матери Валерия — выходной день. Налю было постирать, помыть пол, окна, двери, поштопать. Помогал и Валерий: воды натаскал, мусор вынес, поставил бак на плиту. Марта Васильевна не жаловалась на невнимательность сына. А когда вечером он попросил отпустить его к товарищу, она не подумала отказать.

Савченко уже не застал его. Марта Васильевна убирала посуду со стола. Она не удивилась, узнав, кто он. Вероятно, на фабрике что-нибудь замечено и решили попросить ее помощи. Что ж, она не откажет, хотя и не замечала на фабрике ничего, что могло бы заинтересовать милицию.

Сначала Савченко действительно расспрашивал ее только о фабрике. Потом она поняла, что он больше интересуется ею персонально, чем фабрикой, и несколько встревожилась. Как-то незаметно разговор зашел и о сыне. Если она сделала что-то не так, то причем тут Валерий? Женщина обиженно умолкла.

Савченко вздохнул. Он не решался сказать всю правду сразу. Но и молчать было нельзя.

— Извините, но я должен... Речь пойдет о вашем сыне.

У Марты Васильевны округлились глаза, побледнело лицо.

— Конечно, вы верите в непогрешимость Валерия. Но мне кажется, вы не все знаете о нем... Не знаете, с кем он дружит...

И Савченко рассказал о Валерии все, что знал. Он заметил, что его рассказ глубоко взволновал женщину. Несколько минут она молчала. Но постепенно тревога в ее глазах исчезла, и в них засветился огонек надежды. Ей хотелось верить, что в поступках сына большого греха нет, и она неуверенно начала его оправдывать.

— Зачем себя обманывать? — строго сказал Савченко. — Вы же хорошо знаете, что такая дружба к добру не приведет.

Марта Васильевна это понимала. Она призналась, что сын собирался на каникулы поехать в деревню к ее сестре, но почему-то вдруг отложил поездку...

Скрипнула дверь, и у порога остановился Валерий. Марта Васильевна смахнула ладонью слезы, холодно спросила:

— Где был?

Валерий сразу сообразил, что холодность тона матери связана с визитом неизвестного, поэтому сначала посмотрел исподлобья на Савченко, а потом небрежно ответил:

— К ребятам ходил... К Генке...

Савченко не вмешивался в разговор матери с сыном. Ему стало казаться, что он сделал слишком рискованный шаг, который может привести к нежелательным последствиям. Он наблюдал за Валерием. Тот отвечал не столько матери, сколько гостю, чувствуя, что это не обычный гость. Валерий говорил, что никакой Зойки не знает.

— Может, вы о Зое Грыцюк из нашего класса? Так она уехала на все лето...

«Э, какой, — усмехнулся про себя Савченко. — И отбредаться-то по-настоящему не умеет».

Марта Васильевна упомянула о милиции. Надо было видеть, как вздрогнул Валерий. Он умолк, бросил испу-

ганный взгляд на Савченко, сделал шаг к двери. «Чего он так испугался?» — подумал майор и тихо сказал:

— Садись, Валерий, волноваться нечего. Давай поговорим.

Ему бы хотелось поговорить с ним наедине, но Марта Васильевна не собиралась предоставить им такую возможность. «Ничего, мы с ним поговорим и позже; — думал Савченко. — А сейчас нужно помочь и матери, и Валерию... Но зачем я все это делаю? Ведь наивно предполагать, что Валерий сразу же раскается и все расскажет. Не побежит ли он после этого разговора к Зойке?.. Этого не должно случиться. Они не должны больше встречаться».

Валерий уже не скрывал, что знает Зойку, и признался, что несколько раз ночевал у нее. Раз два ужинал в ресторане.

— Видимо, мать дала тебе денег? — спросил майор.

— На выпивку? — перебила Марта Васильевна. — Я ему дам...

— Но кто-то должен был платить?

Валерий помолчал, потом ответил:

— Товарищ один... знакомый.

— Какой товарищ? — допытывалась мать. — Кто это у тебя такой богатый есть?

Она как будто угадывала намерения Савченко, и майор не мешал ей расспрашивать сына. Если бы Валерий разговаривал с матерью наедине, то он мог бы уклоняться от ответов. Но в присутствии гостя нужно было отвечать правдиво или быстро и умело что-то придумать. Уже с первых ответов Савченко стало ясно, что Валерий на выдумки не мастер. Видимо, этот допрос застал его врасплох, и парень растерялся. По требованию матери он назвал «знакомого». Им был Анатолий. Это не только не успокоило, а еще больше насторожило мать.

— А чего ты с ним водишься? Кто это вас свел? Не та ли Зойка?

Валерий виновато проговорил:

— Не пойду я больше к Зойке. Вот сейчас же отправлюсь к тетке в деревню, — он исподлобья взглянул на Савченко.

Это был взгляд человека, испуганного и затравленного, который любой ценой хочет избавиться от нежиз-

данного допроса. Савченко подумал, что Валерий, очевидно, не собирается ехать к тетке, а стремится лишь выиграть время, чтобы дать знать своим друзьям об опасности. Нет, выпускать его из рук нельзя, надо проследить за ним...

Марта Васильевна, между тем, поверила в искренность сына и, считая, что поездка спасет Валерия от губительного влияния подозрительной компании, горячо поддержала его. Она с надеждой посмотрела на Савченко: что он скажет? Майор не торопился с ответом. Что решить? Может, и в самом деле рискнуть? Он спокойно подтвердил, что так, действительно, будет лучше для Валерия.

Тот начал суетливо укладывать свои вещи в чемодан. Время от времени он настороженно посматривал на майора. «Нет, не такой уж ты простачок,— подумал Савченко.— Прячешь что-то на душе. Придется за тобой посмотреть».

— Зойка ждет тебя завтра? — спросил он Валерия.

— Нет... У матери всю неделю дневная смена.

— Значит, всю неделю?..

— Да.

— Ну, а днем вы где-нибудь встречаетесь?

Валерий не ответил, только передернул плечами.

— У вас случалось, что условленная встреча срывается? Как ты ей сообщал, что не сможешь прийти?

— Открытку посылал...

— На домашний адрес?

— Нет, на почту... До востребования.

«Вполне вероятно. Зойка на почту приходит ежедневно. Письмоносцам не доверяет»,— подумал Савченко и сказал:

— Вот и хорошо. Сейчас и напиши Зойке. Мол, еду к тетке. Мама велела привезти вишен на варенье. Вернусь дня через три-четыре.

Валерий послушно написал.

— На вокзале брошу в ящик.

— У тебя и так мало времени. Давай я окажу тебе эту услугу.

Валерий неохотно протянул майору открытку, заметно смутился. Но когда Савченко стал прощаться, парень повеселел. «Рад, что не буду провожать его»,— подумал майор.

Выйдя на улицу, Савченко зашел за угол, где стояла будка с телефоном-автоматом, вызвал машину и приказал Панченко собираться в путь, а сам стал прогуливаться по неосвещенной части тротуара. Он хорошо видел дом, в котором жила Марта Васильевна с сыном. Окна их комнаты выходили на улицу. Они еще долго были освещены. Савченко время от времени посматривал на часы.

Наконец, свет в окнах потух. Через минуту в подъезде показались две фигуры. Валерий нес чемодан, а мать с узлом в руках шла рядом и что-то строго говорила ему. Подошли к трамвайной остановке. Минут через десять будут на вокзале. Там их уже ждет Панченко...

Майор открыл дверцу машины и сел рядом с шофером.

— В управление?

— На вокзал. Только не спеши. Давай вот за этим трамваем. Савченко видел, как на привокзальной площади из трамвайного вагона вышли Валерий и Марта Васильевна, как она побежала к кассам, а через пять минут возвратилась с билетом, как они вышли на перрон, как Валерий вошел в вагон поезда.

Не удивительно, что он не торопился уйти из тамбура. Видимо, ему хотелось до отправления поезда побыть с матерью. Правда, он мог бы отнести в вагон чемодан, чтобы пассажиры не спотыкались. Кажется проводник ему и указал на это, потому что Валерий отодвинул чемодан в сторону. Из соседнего вагона майору кивнул лейтенант Панченко, одетый в серый парусиновый костюм.

Поезд тронулся. Помахивая рукой, Марта Васильевна немного прошла за поездом, а потом направилась к выходу в город.

Савченко не отводил глаз от вагона, в котором ехал Валерий. Когда передние вагоны утонули в темноте, он пошел вслед за поездом. Вот и конец перрона. Дальше гускло поблескивали рельсы.

И вдруг от вагона оторвалась темная тень. Кто-то на ходу спрыгнул на землю. Узнать человека в темноте было невозможно, но Савченко не сомневался, что это он, Валерий. Панченко, видимо, не заметил этого и поехал дальше.

Савченко ждал беглеца на перроне. Видно, что неопытный. Другой обязательно проехал бы одну-две стан-

ции. А этот... Терпения не хватило? Часто оглядываясь, Валерий, минуя перрон, направился к зданию вокзала. Савченко незаметно пошел за ним. На площади он дождался его и, взяв за плечо, сказал:

— Подвезти, парень?

Из рук Валерия выпал чемодан, он отшатнулся, точно от неожиданного удара. Савченко толкнул его в машину и, садясь рядом, попросил шофера:

— Брось, Вася, в почтовый ящик. Сделай услугу молодому человеку,— и передал ему открытку Валерия.

* * *

Только в кабинете начальника уголовного розыска Валерий немного опомнился. Савченко тут же приступил к его допросу.

— Ну, что же, парень, будем говорить чистосердечно или как? Зачем прыгнул с поезда? Сообщить своим?

Валерий кивнул головой. «Сделаю вид, что знаю больше, чем ему кажется»,— решил майор и строго спросил:

— Ты что же думал, что я тебе с первого слова поверил? А? Наверное, уже собирался похвастаться Андрику: мол, самого начальника уголовного розыска обвел вокруг пальца.

При упоминании об Андрике Валерий вздрогнул. Ведь до сих пор о нем не было сказано ни слова.

— Ну, чего молчишь?

— Он меня... убьет.

— А может, не так страшен черт, как его малюют?

— Вы не знаете его... Он такой... Если его не предупредят...

— Как же ты мог предупредить, если его нет в городе?

— Но завтра...— начал Валерий и осекся.

— Завтра он приезжает. Это мы знаем. Конечно, встретим,— уверенно сказал Савченко и почувствовал, как взволнованно забилось сердце: «Завтра... Правду говорит или выдумывает? Откуда ему известно, что Андрик приезжает завтра? Видимо, сказала Зойка. А может, и дала поручение».

— Он так не сдастся,— продолжал Валерий.— Он нюхом чует, где опасность.

— Вижу по его ученикам,— Савченко внимательно посмотрел на него. «Искренен или играет? Значит, завтра... Но почему все-таки Зойка сказала ему об этом? Он пользуется полным доверием? Или, может, должен что-то подготовить к встрече?» — Вижу, вижу... — повторил он. — А кто будет встречать его?

— Не знаю...

— Положим, что тебе такой чести не оказали. Ты получил мелкое задание...

Валерий удивленно посмотрел на майора. «Угадал,— решил Савченко.— Но какое задание? Интересно... Видимо, он уже успел сделать то, что ему поручили».

Зазвонил телефон. Савченко взял трубку и уже собрался сказать: «Я занят. Позвоните позже», но, услышав взволнованный, радостный голос лейтенанта Кулика, промолчал.

— Едет! Ему послана телеграмма. Тот Зойкин сморкач посылал. Есть уже и ответ Зойке. Завтра утром...

— Хорошо,— перебил Савченко.— Я понял.

— Что делать с телеграммой?

— Адресат должен получить ее.

«Значит, правда. Валерий проговорился. Он и телеграмму посылал. Зойка не отважилась сама идти на почту... Ну, хорошо. Приезжай. Встретим!»

Савченко снова поднял трубку.

— Кравчук, через полчаса всех ко мне,— он повернулся к Валерию: — У меня мало времени. Полчаса. Мы должны за это время наш разговор закончить. Рассказывай обо всем. От тех дней, когда Зойка свела тебя с Андриком, и до сегодняшнего, когда ты отнес телеграмму на почту.

— Вы все уже знаете,— упавшим голосом ответил Валерий.— Хорошо... Дайте воды попить...

СНОВА АНДРИК

Андрик решил бежать. Нужно было как можно быстрее скрыться из этого города, пока не схватили. Дело со сберкассой провалилось. Мало того, что они не успели ничего там взять, это еще полбеды. Хуже то, что в руки милиции попал Давид, помощник Андрика. Это угрожало разоблачением.

Кажется, предусмотрели все: Вошли в сберкассу перед обеденным перерывом, когда там не было ни одного посетителя. Давид сразу опустил железную штору. Андрик выхватил пистолет и бросился к сейфу. Давид не сводил глаз с кассира. Около кассира стояла женщина. Маленькая, с морщинистым лицом. Ей, видимо, уже давно пора быть на пенсии. Давид думал, что она от испуга с места не двинется, поэтому не особенно следил за ней. А она не растерялась. Схватила графин с водой и швырнула в окно. По улице шли люди, и шум в сберегательной кассе не мог не привлечь их внимания. Находчивость старой женщины помешала им осуществить задуманное. Через секунду в дверь заглянул Сашко и, крикнув: «Братва, бегите!», сразу же исчез. Раздумывать было некогда. Давид бросился в дверь первым, но не пробежал и нескольких шагов, как его схватили какие-то женщины и повалили на землю. Трудно было разобрать, что кричал Давид. Видимо, просил выручить. Но разве до этого было? Каждому нужно самому спасаться. Воспользовавшись тем, что все бросились к Давиду, Андрик побежал в противоположную сторону. Сразу же услышал за спиной крики: «Вон второй! Ловите!» Он оглянулся и наугад выстрелил. Догнал проезжавшую мимо грузовую машину, схватился руками за борт кузова. Это и спасло его. Но надолго ли?

Очутившись в безопасном месте, Андрик решил удрать из города. Как Давид будет держать себя в уголовном розыске? Конечно, начнет выгораживать себя и все валить на Андрика. Он может указать адреса, где Андрик останавливается. Он один знает их. Другим Андрик не доверял.

К счастью, пришла телеграмма от Зойки. Своевременно, как нельзя лучше. Молодец, Зойка. Выходит, они убрали бухгалтера настолько чисто и тихо, что не оставили никаких следов. Во всяком случае все, кто имел какое-то отношение к этому делу, живут спокойно, никто их не трогает. Так почему бы и Андрику не вернуться? Тем более, после такой неудачи здесь.

Поезд отправлялся днем. Нужно было заранее позаботиться о билете. Но Андрик не решился вылезать из своей норы. Он знал, что сейчас его ищут и в первую очередь на вокзале, в порту, а может, и осматривают все машины, которые выезжают из города. Безопасней было

бы пока не собираться в дорогу. Но и здесь оставаться невозможно.

Билет купила дочь хозяйки. Андрик выехал на вокзал за десять минут до отхода поезда и вышел на перрон, когда поезд уже отправлялся.

У него был билет в мягкий вагон, там спокойней. Проводник почему-то долго рассматривал билет, словно он был фальшивый, и Андрик нетерпеливо переступал с ноги на ногу, чувствуя, как появляется желание ударить этого придиру-проводника. Он не оглядывался. Только уже войдя в тамбур, внимательно и быстро окинул взором всех, кто был поблизости. И вдруг поймал на себе чей-то настойчивый взгляд. Вздрогнул. Кто бы это мог быть? Серый шевиотовый костюм, круглое лицо, раскрасневшееся от духоты. Почти на глаза надвинута соломенная шляпа. Но эти глаза уже не смотрят на него. Человек отвернулся, подал буфетнице деньги, а она ему пачку папирос. Он ли смотрел на него? Или ему показалось? Вероятно, показалось. В последнее время ему повсюду кажутся преследователи.

В купе пассажиры уже сидели в пижамах и искали партнера для игры в преферанс. Его встретили с удовлетворением.

— Вот еще один товарищ. Садитесь. Если играете, составьте компанию, а нет — придется с кем-то поменяться местом.

Андрик согласился принять участие в игре.

На одной из станций он отправил срочную телеграмму Зойке. Сообщил, что едет, просил встретить. Потом быстро возвратился в вагон и уже не отходил от окна.

Вдруг Андрик увидел, как в помещение телеграфа вошел тот самый круглолицый пассажир в сером костюме, взгляд которого так встревожил его. Вскоре он вышел и побежал в свой вагон — поезд уже трогался.

Андрик понял: за ним следят. Тот, конечно, прочитал его телеграмму. И встречать его придет не одна Зойка. Выходит, он сам лезет в ловушку. Но нет, Андрика перехитрить нелегко.

Он предложил своим партнерам по игре сделать передышку. Те согласились. Андрик раздслся и влез на верхнюю полку.

Подъезжали к Станиславу. Поезд тут стоит десять минут. Один из пассажиров решил прогуляться.

— Голова что-то болит. Похожу по перрону.

— Может, окажете мне услугу? — попросил Андрик. — Вставить не хочется, а надо бы телеграмму послать, только сейчас вспомнил...

— Пожалуйста. Не велики хлопоты.

Телеграмма адресовалась профессору Шухраю. В ней какой-то Таганский сообщал, что найденные в Карпатах минералы застряли на станции Николаево. И для того, чтобы их вывезти, нужна машина. Просит немедленно выслать.

Расчет был простой. Профессор еще не возвратился с курорта, поэтому телеграмму получит Анатолий. Машину он найдет, во всяком случае уговорит институтского шофера. Без машины Андрику не легко будет выбраться со станции.

Пассажир возвратился, вручил квитанцию. Андрик проследил, не зайдет ли на телеграф человек в сером костюме, и, убедившись, что он там не был, бодро предложил:

— Что ж, друзья, может продолжим?

На перрон высыпали пассажиры. Одним из первых из вагона вышел круглолицый человек в сером костюме и соломенной шляпе. Он подошел к табачному киоску, остановился около Савченко, одетого в гражданский костюм, и спросил:

— Скажите, как пройти в ресторан?

— Вон там, — Савченко показал рукой, — спуститесь и пройдете через тоннель до вестибюля...

Мягкий вагон, серый костюм в зеленую полосу, зеленая шляпа, едва заметные усы, — скороговоркой проговорил круглолицый и направился к выходу.

Савченко подал знак Миколке, который стоял тут же, и они оба подошли к мягкому вагону. За ними двинулись и другие.

Знакомое волнение охватило Савченко, но он заставил себя держаться спокойно. Пока что все шло так, как и предусматривалось. Правда, было бы лучше, если бы Андрика задержали в Черновцах. Видимо, что-то поме-

шало. Или у черновицких коллег были другие намерения? Но и то хорошо, что их сотрудник сопровождал Андрика.

Один за другим выходили из мягкого вагона пассажиры. Но Андрика все не было. Ни Савченко, ни его коллегам не нужны были те приметы, которые передал товарищ из Черновиц: Андрика они узнают в любой одежде. Но он не показывался. Может, перебрался в другой вагон? Ничего, на выходе тоже стоят сотрудники уголовного розыска, не ускользнет. Между тем он должен быть в этом вагоне. Вон и Зойка ждет его. Ближе не подходит. Но разве не ясно, куда она смотрит? Почему же он не выходит? Может, почувствовал опасность?

— Полещук, загляните в вагон! — приказал Савченко.

Зойка тоже волнуется. Озабоченно оглядывается. Но сейчас ее не будут трогать.

Из вагона вышел растерянный Микола.

— В чем дело?

— Там только пустой чемодан остался. Проводник говорит, что уже больше часа нет его в вагоне. Пассажиры подняли шум: мол, отстал от поезда...

— Ускользнул, черт. Что-то заметил и сошел с поезда. Только где? Проследите за Зойкой, а я поговорю с проводником.

* * *

Было ясно: Андрик сошел на станции Николаево. Но почему он сошел раньше, а Зойке сообщил, что приедет сюда? Видимо, в дороге заметил, что за ним следят. Сотрудник из Черновиц вел себя неосторожно. А почему Андрик выбрал Николаево? Был уверен, что ему там не угрожает опасность? Или в местечке есть кто-то из друзей? Во всяком случае нужно, не откладывая, ехать туда. Только надо предупредить начальника управления.

Но вскоре эти планы изменились.

Начальник управления милиции полковник Ткачук поднялся из-за стола навстречу Савченко и сказал:

— Вот и хорошо, что вы здесь. Где младший лейтенант Полещук?

— В машине. Я думаю взять его с собой.

— Позовите его,— полковник взял телефонную трубку и приказал: — Пригласите ко мне Гнедюка, шофера из института.

Когда Микола вошел, Гнедюк уже сидел около стола начальника управления.

— Полещук, вы знакомы с товарищем?

— Да.

Полковник повернулся к Гнедюку.

— Расскажите, как вы встретили Андрика.

Микола удивленно посмотрел на Савченко, потом перевел взгляд на шофера. Тот рассказывал:

— ...Прибегает ко мне в гараж Анатолий и говорит: «До зарезу нужна машина». Сначала уговаривал, чтобы я ему доверил руль. Он водить умеет. Но какой шофер передаст свою машину другому? Да еще такому... Разобьет где-нибудь, а меня под суд. Словом, отказался. И сам, сказал, никуда не поеду. Ну, он тут и начал умолять. Чуть ли не плачет. Говорит, это не для него, а для отца. И телеграмму показывает. Но как посмотрел я на телеграмму, мне все стало ясно. Хотя я в науке и мало разбираюсь, но все же кумекаю, что профессор так же далек от этих карпатских минералов, как и от искусственных спутников Земли. Я вспомнил, что мне говорил товарищ,— он указал на Миколу,— и подумал, что тут дело не чистое. Ну, говорю, хорошо, раз для отца, то поеду. Только перекусить заскочу. Думал было вам позвонить, посоветоваться, что делать. Но он уперся и от меня ни на шаг. По дороге, говорит, перекусим, нужно торопиться. Ну, ничего, думаю, все же я тебя перехитрю. И вот,— он махнул рукой,— не вышло. Словом, приехали мы на станцию Николаево. Как раз подходил поезд. Не успел я и развернуться, как к машине подбежал тот самый... Андрик. Я их всех возил, хорошо помню. Поезд еще стоял, а мы уже были за местечком. Они по дороге молчали или говорили о погоде, о каких-то соревнованиях, но все это не так говорилось, как у людей. Слова будто те же, а разговор не наш. Я думаю: не подвезти ли их прямо к милиции? Видно, догадались черти или может... Кто их знает... Но только въехали мы в город, как Андрик положил мне руку на плечо: «Стоп, говорит, мы здесь сойдем. А ты можешь ехать». Они сошли, а я дал газу и прямо к вам.

— Ясно, товарищи? — спросил Ткачук. — А вам, товарищ Гнедюк, большое спасибо. Будет что-нибудь новое — сообщайте.

— Хорошо. Можно идти?

Когда Гнедюк закрыл дверь, полковник сказал:

— Возвратился Костенко. С интересными сведениями. Выяснилось, что Новицкий, шофер трикотажной фабрики, в Житомир не ездил. Под его фамилией там был кто-то другой. Придумано неплохо. Словом, на Новицкого падает серьезное подозрение. Итак, они все в городе. Андрик и его компания. Ни один не должен от нас ускользнуть.

В КЛЕТКЕ

Не успел Анатолий выйти из машины, как Андрик крепко сжал ему руку и сурово приказал:

— Садись в троллейбус. Сойдешь около управления милиции. Проследи за его машиной. Не работает ли он на Савченко? Что-то сегодня очень тихий и смиренный. Прѣшлый раз не таким был.

— Да он и не догадывается. Откуда? — искренне удивился Анатолий. Он был уверен, что Гнедюк не имеет никакого понятия о «делах» Андрика и может даже рад, что удалось заработать. Если он и захочет пожаловаться на Анатолия, то разве только отцу, которого шофер очень уважает.

— Дурак! — обругал его Андрик. — Не все такие остолопы, как ты.

Анатолий молча проглотил оскорбление. Андрику разрешалось все. И возражать ему, а тем более проявлять недовольство его поступками — значило вызывать гнев. А этого боялись все его соучастники. Анатолий тоже хорошо знал мстительность и жестокость Андрика и беспрекословно делал все, что от него требовали.

Он бы охотно избавился от этой «дружбы». Его бы очень обрадовало, например, известие об аресте Андрика. Окружение воров не очень-то привлекало Анатолия. Зачем ему было красть, если хватало и тех денег, которые ему давала мать. Правда, ко времени, когда Зойка свела его с Андриком, денег этих не стало хватать, зачастую приходилось пить в ресторане за чужой счет. От него в этих случаях требовали расписки. Позже, когда

ему напомнили о них, он схватился за голову: выходило так, что он получал свою долю с ворованного. «Но я же не крал», — пытался он защититься. «Разве? А помнишь...» И ему сообщали, как он вместе с другими раздевал какого-то человека в темном подъезде. «Но я в тот вечер был пьян и не мог...» — «Поэтому и не помнишь. Правда, сам ты не раздевал, а стоял на «стреме», но милиции и этого достаточно. Как говорят, соучастник преступления».

Однажды он тоже напился, но помнил все: как шли темным переулком, как встретили женщину и как Андрик снял с ее руки часы. Потом он сунул эти часы в руку Анатолию: «Сдашь в комиссионный. Деньги отдашь, как продадут». Анатолий не посмел отказаться. «Все равно я уже в их руках. Что будет, то будет!» — думал он.

На следующий день Андрик сказал: «Мне лучше у тебя остановиться. Безопасней». Он не ждал ответа Анатолия. Вошел в профессорский дом хозяином. На кушетке, которую предложил ему Анатолий, спать отказался и, не спрашивая разрешения, зашел в спальню родителей. «О, по таким перинам давно скучаю. Думаю, старики твои не обидятся, если я посплю на их кровати», — и он в одежде повалился на постель. Анатолий опасался, что Андрик будет прибирать к рукам вещи, но тот, догадываясь о его мыслях, великодушно успокоил: «Не бойся, не пропадет ничего. Такая квартира для меня находка, поэтому я не буду обижать хозяев. А если поссоримся... Ну, тогда... Сам понимаешь».

Анатолий думал, что и сейчас Андрик скажет ему: мол, стариков дома нет, зачем же пустовать квартире? Он решил опередить его:

— Встретимся у Зойки?

Андрик не торопился отвечать. Несколько часов тому назад он действительно намеревался остановиться у Анатолия или на другой квартире, которую порекомендует Зойка. К ней идти не решался: уж больно приметная она, к таким всегда присматриваются. Но теперь планы изменились. Он должен быть еще более осторожным, ведь ясно, что за ним следят. Впрочем, в городе, кажется, спокойно. Никого не взяли, все на местах. Только Валерка уехал к тетке. Но уехал ли?.. Кто видел, как он уезжал? У матери спрашивали? Сам написал Зойке? Это

еще надо проверить. Как Новицкий? Все откладывает деньги на черный день?

— Где встретимся? — переспрашивает он Анатолия.— Через полчаса станешь в очередь в кассу кинотеатра «Днепр». Я спрошу: «На какой сеанс дают билеты?» Если увидишь машину около милиции, то ответишь: «Я беру на этот сеанс». Ну, а если ничего подозрительного, то что-нибудь другое скажешь. Потом возьми билет и посмотри фильм. Если понадобится — я найду тебя. Ясно?.. А теперь беги.

Анатолий бросился к троллейбусной остановке. Андрик зашел в подъезд ближайшего дома, смял шляпу, сунул ее в карман пиджака, а пиджак повесил на руку. Вышел на улицу, заглянул в парикмахерскую. В ней было пусто. Парикмахер пригласил его в кресло.

— Что желаете?

— Чего можно желать в такую жару? Снимите волос.

— Постричь?

— Побрить. Легче ходить будет. И усы сбрейте.

...Когда Андрик подошел к Анатолию, тот не сразу узнал его и поэтому медлил с ответом. У Андрика сошлись на переносице брови, взгляд обострился. Наконец, Анатолий пробормотал:

— Я беру на этот сеанс...

Он никак не мог опомниться после того, как узнал, что шофер действительно заезжал в милицию. Сначала он даже забыл про договоренность с Андриком. Ему захотелось немедленно бежать на вокзал, сесть в первый попавшийся поезд... Нет, он поехал бы на курорт, к маме, схватил бы ее за руку: «Спасайте!» Неужели она ничего не сделает? Сделает! Мама ничего не пожалеет для сына. И отца уговорит. Да, да! А с отцом считаются. И тогда — все, с прошлым покончено. Анатолий начнет новую жизнь. Не будет знать никаких Андриков.

Андрик... Попытайся от него спрятаться! Теперь, когда ты в его руках, посмей только подумать об измене!.. Анатолий был не в состоянии объяснить, откуда у него такая уверенность, что Андрик всесилен. Может, он сам заставил себя верить в то, чего нет в действительности? Кто знает? Только Андрик сейчас и впрямь как загнанный зверь. Кто встретится на его пути, того и укусит. Перед уголовным розыском он трепещет, а свою силу показывает перед такими, как Анатолий...

Когда он увидел Андрика, без шляпы, бритоголового, то почувствовал, как страх охватывает его еще больше. Видимо, опасность велика, если Андрик стал так маскироваться.

Андрик спокойно, почти равнодушно, выслушал ответ Анатолия. Также спокойно спросил еще о чем-то женщину из очереди, вежливо поблагодарил ее и через минуту исчез.

Оглянувшись, Анатолий вышел из кинотеатра. Зачем ему нужен этот фильм? Теперь он все, что надо, сделал. Можно уйти куда-нибудь, хотя бы в ресторан. После стакана коньяка страх пропадет, все забудется...

Кто-то кладет ему руку на плечо. Он вздрагивает и, подняв глаза, видит, что стоит на середине улицы, а перед ним... милиционер с суровым лицом.

— Под машину захотели?

Под какую машину? Зачем машина? Ах, да! Он же на улице. И милиционер всего-навсего регулировщик. Этого нечего бояться. Анатолий облегченно вздохнул и, пробормотав извинение, перешел улицу.

Через несколько минут он снова натолкнулся на милиционера, и, хотя не нарушил никаких правил, по телу пробежала дрожь. Страшно. Нервы напряжены. На висках выступил холодный пот. Ему кажется, что он идет по краю пропасти. Маленький толчок — и он не удержится, полетит вниз. Страшно!

* * *

Нет, Андрик не был спокоен. Он понимал, что опасность уже протягивает к нему руки, что медлить нельзя. Он заставил себя не теряться, продумать все хладнокровно, хотя это давалось ему нелегко.

Мысленно возвращался к телеграмме Зойки. Неужели она ничего не видела? А может, это не Зойка телеграфировала? Или она... перешла к ним? Теперь никому нельзя верить! Луговой изменил. Новицкий такой, что за рубль и родного отца продаст... Наверное, уже с полмиллиона нагреб. В ресторан не заглядывает, засаленной куртки который год не снимает. В простачка играет, молчуна. Только глаза жадные, будто хочет весь мир загрести. Дурак! Ради чего живет? Ведь немолодой. Зачем и для

кого копит огромные деньги? Роскошествуй, пока можешь, пока не сцапали. Правда, Новицкий осторожен. Ни разу не попался, хотя ходил и на «мокрые дела». Еще со времени немецкой оккупации наловчился. Тогда он и снюхался с главным инженером трикотажной фабрики. Конечно, Бидар не работал тогда на фабрике и в этом городе не жил. Сюда переехал позже, боясь, как бы не потянули к ответу за услуги фашистам. Один Новицкий знает, что это были за услуги. Теперь он и держит его в руках...

Да, но куда деваться? Махнуть куда-нибудь подальше? С чем? С тремя рублями в кармане? Чтобы поймали контролеры и передали милиции? Конечно, надо вырваться отсюда. Но не с пустыми руками. Что же делать сейчас? Идти по старым адресам рискованно. Лучше пойти к тем, которые не вызывают подозрения у милиции. Но есть ли у него такие знакомые? Андрик вспомнил, как однажды встречался с Новицким на Солнечной. Новицкий был настолько предусмотрителен, что и не подумал пригласить его к себе. Но почему он избрал для свидания тот большой, многоэтажный дом на Солнечной? Встретились в квартире какой-то пожилой женщины. Новицкий дал понять, что она ничего не подозревает. Если это так, то лучшей квартиры ему не нужно.

...Хозяйка сначала не узнала его, но, когда он заговорил, развела руками:

— Встретила бы на улице — никогда бы не сказала, что это вы. Давно приехали?

— Сегодня. Зашел к Михаилу, да не застал никого дома, — соврал Андрик.

— У них сейчас никого и не застанешь. Новицкий целый день на работе, а жена вчера уехала в село к родственникам.

Андрик удивился. Он знал, что Новицкий давно порвал связи со всеми родственниками и, кажется, не намеревался восстанавливать их. Видимо, что-то случилось. Не решил ли Новицкий потихоньку смыться отсюда? Вперед жену послал, чтобы увезла ценное имущество, а потом и сам следом за ней... Нет! Подождите! Андрик так просто не разбрасывается своими помощниками. Они не валяются под ногами. Да и почему это он должен рисковать собой, а они — купаться в роскоши? Не выйдет! Вы еще послужите Андрику.

Совещания у Савченко становились все короче. Собственно это и не были совещания. На вызов начальника уголовного розыска являлись оперативные работники, коротко докладывали, выслушивали указания Савченко или Костенко, а иногда и полковника Ткачука и расходились выполнять задания.

Обстановка менялась часто, и тогда приходилось вновь корректировать только что согласованный план. Не все шло так, как намечалось. Всех беспокоило то, что Андрик до сих пор не встречался с теми, кого знали в уголовном розыске. И это, как было замечено, беспокоило и его соучастников. Зойка ходила сама не своя. Не вышла даже на работу. Несколько раз заглядывала на почту, спрашивала, нет ли ей письма или телеграммы. Потом купила большой чемодан и поспешно отправилась с ним домой. Было ясно, что Зойка почувствовала опасность и хочет заблаговременно выехать из города.

Но больше всех беспокоился Анатолий. Места себе не находил. Опустился. Страх и растерянность не исчезали с побледневшего и давно не бритого лица.

Один Новицкий, казалось, не беспокоился. Возился около своей машины, что-то чистил, ремонтировал, возил на станцию ящики с продукцией. Бывало и порожняком ездил. Алексей Цыбуля с дружинниками провожали его подозрительными взглядами и спешили к телефону, чтобы сообщить Костенко маршрут. У Алексея были основания для опасений. Выезжая с фабрики, Новицкий обычно вел машину глухими, малолюдными переулками. Поэтому никто не заметил его встречи с Андриком.

...Пожав ему руку, Андрик внимательно посмотрел в маленькие, глубоко запрятанные глаза.

— Надумал оторваться?

Тот шевельнул плечом.

— Работать стало тяжело... О бдительности много говорят...

— А раньше не говорили? Пусть говорят и пишут, а мы с удовольствием и послушаем, и прочитаем. Я такие книги люблю. Бывает, из них и для себя что-нибудь полезное почерпнешь,— Андрик неожиданно посуровел и строго спросил: — Из наших никого не взяли?

— Слава богу, обошлось. Не трогают... Только после бухгалтера шум еще не утих. Не успокоились, вынюхивают все.

— Так... А вообще-то продешевили мы с бухгалтером. Надул нас Крамов. Можно было из него побольше вытрясти. За такое дело и ста тысяч мало. А он теперь гоголем похаживает... Ты тогда не все ему отдал? Я же говорил: половину оставить, чтобы его из рук не выпускать. Это, братец, дойная корова, которую долго можно доить. А чего же? Имеет деньги — пусть поделится... Не потерял тех бумаг?

— Спрятал.

— За них Крамов не пожалеет еще двадцати пяти тысяч. Словом, я напишу записку, и сегодня же... Пусть не мудрит. Ясно? Так и скажи: с нами шутки плохи! Пожалеет голову — потеряет голову...

Новицкий торопливо согласился выполнить поручение Андрика. Тот посмотрел ему в глаза, глухо сказал:

— Не вздумай хитрить. Ты мою руку знаешь.

Новицкий попытался было улыбнуться, но вместо улыбки получилась гримаса.

— Не веришь? Я пока не подводил...

Записку Андрика он передал Крамову в его кабинете на базе. Заметил, как у того матовой бледностью покрылось лицо, задрожали губы. Крамов не мог выговорить ни слова. Новицкий бросил небрежно:

— Часа через полтора загляну к вам на квартиру. Привезу остальное...

Возвратившись в гараж, Новицкий заменил один из задних баллонов, наполнил бензином канистры, поставил их в угол кузова и снова выехал на улицу.

Минут десять машина стояла около его дома. Он вынес маленькую сумку и громоздкий узел. Поехал дальше. Метрах в двухстах от дома Крамова остановил машину и, не выключая мотора, проворно выскочил из кабины, держа в руках сумку.

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

На столе Савченко зазвонил телефон. Докладывал лейтенант Панченко. Он был, очевидно, сильно взволнован, говорил отрывисто.

— Появился Новицкий. С сумкой. Уже около квартиры. Что прикажете делать? Брать?

Долго раздумывать нельзя. Дорога каждая минута. Недаром Панченко так волнуется. Но стоит ли спешить с арестом? Не испортить бы все дело. Крамова и Новицкого взять можно всегда. А вот Андрик... Он боится и на улицу выйти. Но интересно, зачем Новицкий пошел к Крамову? К тому же с сумкой...

— Что прикажете делать? — еще раз спросил Панченко.

— Задержать обоих! Только без шума... Из квартиры не выводить. Не дать возможности ничего уничтожить. Я сейчас приеду.

Савченко опустил трубку на рычаг, вышел в коридор, заглянул в кабинет Костенко.

— Иван Дмитриевич, поедем! Берем Крамова и Новицкого. Дорогой все объясню...

Когда они подъехали к дому, в котором жил Крамов, там было тихо. Ничто не напоминало о происшествии, случившемся всего лишь несколько минут назад. Жильцы ничего не подозревали. В квартире Крамова царила абсолютная тишина, словно там никого и не было.

Савченко позвонил. Дверь открыл незнакомый ему сержант милиции и, приложив к козырьку руку, сказал:

— Прошу, товарищ майор, сюда... Тут такой дворец, что и заблудиться нетрудно...

В комнате, на которую указал сержант, на широком диване с плюшевой обивкой сидели насупленный, с грязными руками Новицкий и элегантно одетый Крамов с выражением наигранного неудовольствия на лице. У стола сидел лейтенант Панченко и перекладывал пухлые пачки денег.

А дальше, в глубине комнаты, около дверей, закрытых тяжелой бархатной портьерой, стоял лейтенант Мовчан. Он с брезгливой гримасой рассматривал так непохожих друг на друга хозяина квартиры и его гостя, которым не миновать вот так же рядом сидеть на скамье подсудимых.

Увидев Савченко, Крамов резко поднялся с дивана и бросился к нему:

— Петр Федорович, что же это такое?! Я буду жаловаться...

— Лейтенант,— приказал Савченко Мовчану,— выведите Новицкого в соседнюю комнату.— А вы, Крамов, садитесь.

Панченко доложил:

— Здесь двадцать пять тысяч. Новицкий уже в карманы заталкивал. А вот сумку спрятали,— и тихо добавил: — Все перерыли, товарищ майор. Как в воду канула...

— Какую сумку? — снова подскочил Крамов.— И вообще... Я не понимаю, что здесь делается? Меня в чем-то подозревают?

— А вы, Крамов, не чувствуете за собой никакой вины? — спокойно спросил Савченко, делая акцент на слове «Крамов».

Едва заметная тень пробежала по лицу Крамова. Растягивая пухлые губы в угодливую улыбку, он ответил:

— Извините. Моя фамилия Крамов.

— Сейчас это не имеет особого значения. Пусть будет пока Крамов. Но я полагал, что вы уважаете фамилию, которую дал вам отец и которую вы носили около сорока лет, до того времени, когда вам стала грозить скамья подсудимых в Ташкенте,— сказал Савченко.

Крамов побледнел и ничего не ответил.

— Ну, а теперь,— продолжал Савченко,— покажите товар, за который вы заплатили такую большую сумму. Видно, что-то стоящее...

— Я не понимаю, какой товар? Чего вы, собственно, хотите? — пробормотал Крамов.

По комнате неторопливо ходил Костенко и, как бы не слушая, о чем говорят, заглядывал то за спинку дивана, то в шкафы, заставленные антикварными сервизами. Он ни к чему не притрагивался, рассматривал вещи как посетитель музея. Вот он остановился перед окном и ткнул пальцем в раму. Она легко распахнулась. Костенко заметил, что Крамов опустил глаза.

— Лейтенант,— обратился Костенко к Панченко.— Когда вы вошли, окно было открыто?

— Да. Я его закрыл, чтобы никакого шума...

— А ну-ка посмотрите внизу. Может быть, в кустах есть что-нибудь интересное.

Когда Панченко принес сумку, найденную им под окном, Савченко осторожно осмотрел ее и вынул оттуда несколько листов бумаги, исписанных аккуратным, раз-

борчивым почерком. Густо стояли столбцы цифр, под ними — короткие разъяснения! Документы раскрывали махинации Крамова и его соучастников.

— Писал бухгалтер Кучинский, — проговорила Савченко. — Его рука... Иван Дмитриевич, допросите обоих. Я буду рядом, в той комнате, где телефон.

Он слышал, как Костенко приказал вывести Крамова и доставить Новицкого. «Правильно, — подумал он. — Нужно начинать с Новицкого. Ведь эти деньги он, вероятно все, должен был передать Андрику».

Телефон стоял в спальне Крамова на тумбочке, около широких с резными спинками кроватей. Савченко опустился в старинное мягкое кресло, обтянутое темно-коричневым бархатом, и набрал номер управления.

— Полешук не звонил?

— Только что спрашивал вас. Маникюрша уже на вокзале. Решили снять на первой станции.

— Правильно. А «гостя» никто не видел?

— Никто. В норе сидит...

— Ничего. Вылезет. Мой телефон знаете? Будет что-нибудь новое — звоните.

* *
*

Микола уже полчаса допрашивал Зойку, но ничего не смог добиться.

Она так ничего и не сказала. Микола надеялся, что Зойка наведет его на след Андрика, укажет хотя бы одну из квартир, где он мог остановиться.

Когда Зойку увели, Микола встал и прошелся по комнате. Чувствовалась усталость. Хотелось выйти на улицу, побродить по скверу. Он открыл окно, облокотился на подоконник, задумался.

Стоя у окна, он вдруг увидел на противоположной стороне улицы Нину. Да, да, это она, Нина, с которой вот уже несколько дней ему так и не довелось встретиться. Она зашла в управление. Это было неожиданно и непонятно. Что ей здесь нужно? Неужели к нему? Или что-нибудь случилось?.. Она не одна. Вместе с ней какой-то юноша в короткой куртке.

Микола застегнул пиджак, поправил галстук и открыл дверь в коридор.

Нина медленно шла от одних дверей к другим и читала таблички. Юноша, комкая в руках фуражку, следовал за ней. Наконец, она увидела Миколу и, не скрывая радости, бросилась к нему.

— Добрый день, Николай! — поздоровалась она. — Познакомься, это Вася, — она схватила парня за руку и потянула к Миколе.

Парень добавил:

— Лавренюк, — и оглянулся на Нину.

Она стала объяснять, почему они пришли сюда.

— Вася работает шофером на базе. В прошлом году он у нас на комсомольском учете состоял... С Кучинским хорошо был знаком, тот с Васей много раз разговаривал. Вася говорит, что Кучинский грозился вывести мошенников на чистую воду, поэтому его и убили...

Было бы лучше, если бы все это рассказывал сам Вася, но Микола не перебивал Нину. Ему было приятно, что она волнуется, что сама разыскала его и что говорит о вещах, которые, казалось, раньше совсем ее не трогали. Микола, не дослушав Нину до конца, повел обоих к Савченко.

У майора Нина чувствовала себя не так уверенно, но растерянности не проявила.

— ...Когда с трикотажной фабрики везут товар на базу, — рассказывала она, — то грузят его только на машину Новицкого. А товар принимает сам директор. Есть на фабрике... Как его, Вася?.. Цыбуля! Он подсчитал, сколько товара вывозит за один рейс Новицкий. Что же получается? Выписывают ему фактуру на тысячу сорочек, а продают тысячу двести. Деньги за те двести делят между собой... Где их продают? В первом магазине... Как Вася рассказал мне все это, я ему и говорю: пошли к Николаю...

Их сообщение не было новостью для майора. Обо всем этом ему уже говорил начальник ОБХСС подполковник Денисенко. Но Савченко не перебивал Нину. Так же внимательно он выслушал и Васю. Его очень радовала эта энергия молодых людей, их желание помочь органам милиции.

Прощаясь, он тепло поблагодарил их, проводил до двери. Заметил, как Нина кивнула Миколе. Но тот не решился выйти из кабинета без разрешения.

— Младший лейтенант, вы устали. Ни ночью, ни днем нет покоя. Операция уже заканчивается. Во всяком случае завтра утром...

— Но Андрик...

— Я же и говорю — завтра утром... А сейчас, думаю, вы можете пойти отдохнуть. Будьте здоровы! — и Савченко протянул Миколу руку. Ничего не оставалось, как пожалть ее. Васи уже не было, а Нина ждала его в коридоре. Она с улыбкой посмотрела на Миколу, в глазах сверкнули лукавые огоньки.

— Ой, побегу... — засуетилась она.

— Вместе пойдем. Сегодня у меня свободный вечер.

Выйдя из здания, они, взявшись за руки, прошли через парк, вышли на ярко освещенную улицу.

— Я бы вот так до утра с тобой ходил, — шепнул Микола.

Нина не ответила, только крепче сжала его пальцы.

А через мгновение он порывисто вырвал руку и, не глядя на изумленную девушку, ускорил шаги.

— Коля, что случилось? — тихо спросила Нина.

Он не ответил, только подал ей знак рукой: не отвлекай меня, молчи.

Микола увидел Анатолия. В легком плаще с поднятым воротником, он не шел, а буквально бежал по тротуару, часто оглядываясь, словно за ним гнались. Что встревожило этого соучастника Андрика?

Анатолий спешил к трамвайной остановке.

— Полешук! — кто-то тихо окликнул Миколу из толпы. — На минутку...

Оглянувшись, он увидел в тени каштана знакомую фигуру лейтенанта Мовчана и подошел к нему.

— Видел? К Андрику идет. Мы должны найти его логово. Этот стилига хотя и трус, а от двоих наших уже оторвался. Я остался один. Придется и тебе. Извинись перед девушкой...

— Понимаю. Я сейчас.

Он не знал еще, что сказать Нине, но его взволнованный вид говорил красноречивее слов. Нина обеспокоенно посмотрела ему в глаза.

— Что-то случилось, Коля?

— Да. Извини, Нина, я должен... — шептал он. — Меня ждут. Потом объясню...

— Хорошо, Коля.

А он уже стремительно бежал к трамваю. Нина тревожно глядела ему вслед. Но не думала она, что ни завтра, ни послезавтра Микола не сможет быть с ней.

...Уцепившись за поручни, Микола ловко вскочил на подножку задней площадки вагона. На передней площадке стоял Анатолий. Миколу было удобно следить за ним отсюда, но ехать долго не пришлось. Анатолий вскоре вышел и, посмотрев на часы, направился на другую сторону улицы. Мовчан пошел за ним. Микола замедлил шаги, но старался не выпускать из поля зрения ни того, ни другого.

Анатолий свернул на Солнечную, прошел метров сто, оглянулся и юркнул в темный подъезд высокого дома. Микола ускорил шаги и догнал Мовчана.

— Значит, здесь,— шепнул тот.— Я проверю, нет ли другого выхода, и позвоню нашим. А ты побудь тут.

— Хорошо,— ответил Микола и, пожав товарищу локоть, вошел в открытые ворота почти напротив подъезда, в котором скрылся Анатолий.

Оттуда он внимательно оглядел ряды освещенных окон. За одним из них Анатолия ждет Андрик. За каким? А может, он сидит в темноте и включит свет, когда придет гость. На каком этаже? В какой квартире?

...Андрик ждал Анатолия, не включая света. Уже около часа он стоял у окна и внимательно следил за прохожими. Злоба душила его. Он готов был, как зверь, перегрызть горло каждому, кто станет сегодня на его пути. Нет, он не простит ни Зойке, которая исчезла из города, ни продажному Новицкому, который хапнул из-под носа Андрика двадцать пять тысяч и тоже смылся...

Анатолия он узнал сразу, но не отошел от окна. И не зря: вслед за Анатолием к дому подошли двое. Вот они поравнялись. Потом один отстал, свернул в ворота...

...— Принес?

Анатолий кивнул и вынул из кармана пачку денег.

— За тобой никто не шел?

— Нет.

Они вышли из дома. Не оглядывались. Только когда поворачивали в переулок, Андрик бросил взгляд назад. Он успел заметить, как от ворот отделилась уже знакомая ему фигура.

— Выследили, черти,— прохрипел Андрик.— Теперь не оторвешься...

Он переходил из улицы в улицу, из переулка в переулок, выбирая наиболее безлюдные и слабо освещенные места. Анатолий едва успевал за ним.

Наконец, Андрик подтолкнул Анатолия в кусты жасмина, шепнул на ухо:

— Не дыши... Будем ждать... Покончим с этим и на товарную станцию. Отсюда километра три. На вокзал теперь не показывайся... Ш-ш... идет...

Микола шел быстро, но так тихо, что слышал малейший шорох за десятки метров. Ему показалась подозрительной неожиданная тишина. Куда пропали звуки шагов? Может, эти двое ушли далеко вперед? Или притаились рядом, чтобы из-за угла всадить нож в спину?

Микола достал из кармана пистолет и, напряженно вслушиваясь, осторожно двинулся дальше. Он не позволяет им выскользнуть из клетки...

Это случилось молниеносно. В руке Андрика сверкнул нож. Микола не успел уклониться от удара. Он лишь всем телом инстинктивно рванулся в сторону, и нож врезался в лопатку. В этот момент он выстрелил. Андрик вскрикнул, пошатнулся. Нож, который он занес для второго удара, выпал из рук, звякнув о камень.

— Напрямик, к товарной... — зашипел он.

Микола видел, как рванулись от него две тени, но у него уже не было сил ни кричать, ни стрелять. Теряя сознание, он прислонился к дереву, и обессиленное тело его сползло на землю...

Кто-то склонился над ним. Парень и девушка.

— Что с вами? — тревожно спросил юноша.

Микола напрягает все силы и шепчет:

— Позвоните... коммутатор милиции... Савченко или... Костенко. Андрик на товарную пошел. Я Полещук...

— Ваня, — заговорила девушка, — там в магазине есть телефон. Беги. Потом скорую помощь вызови... А я тут... Сейчас перевяжу вас...

* *
*

— Кто звонил? — спросил Костенко, но в ответ раздалась гудки.

Удивленный и встревоженный разговором, он поспешил в кабинет Савченко.

— Похоже на провокацию,— сказал Костенко.— Ведь никто из наших не имел намерения идти на ту окраину. Группы пошла на Солнечную. А здесь... Полешук ранен... Андрик.. Товарная станция...

— На станцию нужно срочно направить людей. Я дам распоряжение,— Савченко помолчал, потом спросил: — С Солнечной никаких сведений?

— Пока что нет. После звонка Мовчана...

— Знаю... Словом, Иван Дмитриевич, вам немедленно надо выехать на место происшествия. Какое имеет значение, кто звонил? Наш, советский человек...

Резко зазвонил телефон. Савченко взял трубку.

— Мовчан?.. Как?.. Полешука нет?.. Немедленно отправляйтесь на Вишневу улицу. Полешук ранен. Сейчас там будет майор Костенко. Все,— он положил трубку, посмотрел на Костенко: — Это не провокация. Андрик снова ускользнул из наших рук... Ну, ладно. На товарной станции его встретят. Но если он передумает?

...На станцию Андрик действительно не пошел, боясь засады. За полкилометра от станционного здания он остановился, и Анатолий перевязал ему раненную руку.

— Хорошо, что кость не зацепил,— сказал он мрачно. И строго приказал Анатолию: — Пойди на станцию, разведай, как там. Если все в порядке, дашь сигнал этим фонариком. Ровно в двенадцать. Смотри, чтоб не схватили. Теперь они повсюду расставят своих.

...В двенадцать часов сигнала не было. Андрик ежеминутно смотрел на светящийся циферблат часов, напряженно вслушивался в ночную тишь. Малейший шорох в граде заставлял его вздрагивать. Где же Анатолий?..

Прошло полчаса. Почему нет сигнала?

Но вот около станции тускло замигал электрический фонарик. Андрик посмотрел на часы: без четверти час. Почему так поздно? Ведь Анатолий знает, что сигнал должен быть точно в двенадцать. Что-то случилось. Может, его схватили и узнали о сигнале?.. Ясно, ему готовят ловушку. Нет, не выйдет. Черт с ним, с Анатолием... А утром куда? Нужно где-то укрыться. Но где? Может, вернуться в город? Правда, это рискованно. Но почему рискованно? Ведь они же не подумают, что он бросится в самое пекло, и уверены, что он удрал из города.

...Андрик вошел в город, еще не зная, куда ему податься, где спрятаться. Друзей нет, не осталось никого,

кто мог бы его приютить. Неожиданно вспомнился Луговой. Правда, он отошел... Но все же это не Новицкий с его продажной душой и не трусливый Анатолий. Луговой не побежит заявлять в милицию. Достаточно раскаяться: надоело, мол, бродить в тени, хочу жить честно. Поверит. Приютит на день-два.

...Савченко отставил стакан чая и сказал Костенко:

— Надо окружить дом. Шум не подымать.

— А Луговой остался верным себе...

— Не торопись, Иван Дмитриевич,— Савченко нахмурился.— Просто Андрику уже некуда больше идти. А Луговой ему не друг. В этом я убежден.

Андрик застал Лугового дома одного. Это намного облегчало его разговор с хозяином. Когда Андрик вошел, Луговой натягивал на голову полинявшую фуражку.

Появление Андрика не только поразило его, но и несколько испугало. Во всяком случае, так показалось Андрику, который с удовлетворением отметил: «Это хорошо, значит, я еще имею над ним власть».

Он поприветствовал хозяина. Луговой не ответил.

— Не рад гостю?

— Сам знаешь.

— А, ты теперь замаливаешь грехи,— сказал Андрик.— Так вот, Степа, я у тебя перебуду день-два...

— Не побудешь ты у меня ни дня, ни полдня,— с неожиданной для Андрика твердостью ответил Луговой.— Моя квартира не для тебя.

— Ого! Что это значит?

— То, что слышишь. Вот так. Иди. Мне пора на работу,— и он двинулся к Андрику с таким видом, точно собирался выбросить его за дверь.

В руке Андрика появился пистолет.

— Минутку. С Андриком так не поступают...

Луговой остановился, но страха у него не было. Его, видимо, озадачило, что Андрик держит пистолет в левой руке, а правая глубоко опущена в карман.

— Что тебе здесь надо? — спросил он глухо и подумал: «Неужели он ранен? Наверное...».

— Так-то лучше...— улыбнулся Андрик и, играя пистолетом, подошел вплотную к Луговому.

Но он так и не успел продолжить фразу: Луговой изо всей силы ударил его по руке. Пистолет упал на пол...

Когда Савченко с группой сотрудников вошел в комнату, хозяин и гость катались около двери, пытаясь схватить друг друга за горло. Андрика отбросили в сторону, скрутили руки. Он рвался, шипел сквозь зубы:

— А-а, проданся!

Луговой молча поднялся, тяжело дыша, сел на кровать. Кивнув на Андрика, Савченко приказал:

— Вывести!

Он остался наедине с Луговым. Вынул пачку папирос, протянул хозяину.

— Собирался куда? — спросил Савченко.

— На работу.

— Давно работаешь?

— С тех пор, как вы были.

Савченко посмотрел на часы.

— Ну, не буду задерживать. А поговорить еще успею. Не так ли? А вообще... благодарю!

Луговой повел плечами, ничего не ответил. Вышли они вместе. На улице Савченко протянул Луговому руку, и тот, крепко пожав ее, сказал:

— Я сам... приду...

Город давно проснулся. Люди спешили на работу. Савченко медленно шел по улице. Сегодня ему надо еще заглянуть в больницу к Полешуку. Серьезным для него оказалось боевое крещение...

Он вспомнил своих неожиданных помощников. Пора зайти к Васильку. Обещал же. И на трикотажную фабрику обязательно нужно заглянуть. Алексей советовал: «Соберите рабочих и расскажите о повадках этих новицких, чтобы легче было их вылавливать».

Они, эти андрики, крамовы, новицкие — как бурьян в чистом поле, как тени прошлого. Ну, ничего. Не долго им бродить по земле. С корнями вырвем!..

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Кто он?	5
Следы остаются	9
Кожаный портфель	14
Нина	17
Вдова Кучинская	20
На горизонте — Андрик	24
Вечер у Лугового	29
Зойка	37
Кто такой Новицкий?	44
Еще один	47
„Мамин сынок“	49
Снова Андрик	57
В клетке	63
Последняя ночь	69

Стецюк Яков Нестерович

ТЕНИ НА УЛИЦЕ*

Редактор *В. М. Чикул*. Художник *Ю. А. Пишевский*.

Художественный редактор *И. Ф. Федорова*.

Технический редактор *Н. В. Тимофеева*.

Корректоры *М. И. Булакова, В. Д. Рыбакова*

Сдано в набор 13-III 1961 г. Подписано к печати 20/V 1961 г. Формат бумаги 84 × 108¹/₃₂. Объем: физ. печ. л. 2,5; условн. печ. л. 4,1; учетно-изд. л. 4,07. Тираж 100 000, А-74995. Цена 9 коп. Заказ № 1379.

Госприиздат — Москва, Б-61, ул. Чкалова, д. 39/40.

Набрано в первой образцовой типографии имени А. А. Жданова
Отпечатано в Великолукской городской типографии полиграфиздата
Псковского областного управления культуры, г. Великие Луки.
Полковская, 13
Зак. 4348

К сведению читателей

Упомянутые в брошюре денежные суммы приведены в масштабе цен, действовавшем до 1 января 1961 г.